

ВОЙНА И МЫ

АРТЕМ ДРАБКИН

За нашу
Советскую Родину!

Я ДРАЛСЯ
НА Т-34

ТРЕТЬЯ КНИГА

Артем Владимирович Драбкин
Я дрался на Т-34. Третья книга
Серия «Война и мы»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12160245
Артем Драбкин Я дрался на Т-34. Третья книга: Яуза-пресс; Москва; 2015
ISBN 978-5-9955-0820-5

Аннотация

НОВАЯ КНИГА ведущего военного историка. Продолжение супербестселлеров, разошедшихся суммарным тиражом более 100 тысяч экземпляров. Воспоминания советских танкистов, воевавших на легендарном Т-34.

«Только я успел крикнуть: «Пушка справа!», как болванка пробила броню. Старшего лейтенанта разорвало на части, и вся кровь с него, оторванные куски тела... все это на меня! Мне достался в ногу мелкий осколок от брони, который я потом сам смог вытащить, а механику-водителю осколок попал в плечо. Но танк еще оставался на ходу, и тот, одной рукой переключая рычаг скоростей, вывел «тридцатьчетверку» из-под огня...»

«Я принял решение контратаковать с фланга прорвавшиеся немецкие танки. Сам сел на место наводчика. Расстояние до них было метров четыреста, да к тому же они шли бортами ко мне, и я быстро поджег два танка и два самоходных орудия. Брешь в нашей обороне была ликвидирована, положение стабилизировалось...»

«В бою за село Теплое прямым попаданием снаряда заклинило ведущее колесо одного из атакующих «Тигров». Экипаж бросил фактически исправный новейший танк. Командир корпуса поставил нам задачу вытащить «Тигр» в расположение наших войск. Быстро создали группу из двух танков, отделения разведчиков, саперов и автоматчиков. Ночью двинулись к «Тигру». Артиллерия вела беспокоящий огонь по немцам, чтобы скрыть лязг гусениц «тридцатьчетверок». Подошли к танку. Коробка стояла на низкой передаче. Попытки переключить ее не удались. Подцепили «Тигр» тросами, но они лопнули. Рев танковых двигателей на полных оборотах разбудил немцев, и они открыли огонь. Но мы уже накинули на крюки четыре троса и потихоньку двумя танками потащили «Тигр» к нашим позициям...»

Содержание

Кошечкин Борис Кузьмич	5
Крят Виктор Михайлович	13
Куревин Петр Васильевич	26
Алексеев Владимир Андреевич	34
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Артем Драбкин

Я дрался на Т-34

© Драбкин А., 2015

© ООО «Издательство «Яуза-пресс», 2015

Кошечкин Борис Кузьмич

(Интервью Артема Драбкина)

Я родился в селе Бекетовка под Ульяновском в 1921 году. Мать колхозница, отец преподавал физкультуру в школе. Он был прапорщиком в царской армии, оканчивал Казанскую школу прапорщиков. Нас было семеро детей. Я второй. Старший брат был инженер-атомщик. Три года на станции в Мелекесе (Димитровград) поработал и отправился на тот свет. Я в своем селе окончил семь классов, а потом пошел в Ульяновский индустриально-педагогический техникум, который окончил с отличием. Поступил в педагогический институт, по окончании которого меня загнали преподавателем в школу, в глухомань – в село Новое Погорелово. Туда ворон костей не носил. И вот я приехал в эту школу. Учителя молодые, завуч школы тоже еще не старый. Учительский состав культурный, дружный. Детишек много. Я вел начальные классы. Зарплата маленькая – 193 рубля 50 копеек, а мне 10 рублей надо платить за угол и пустые щи хозяйке. Я покрутился, покрутился и наконец завербовался и уехал в Хабаровск слесарем. Тут я уже смог не только себя кормить, но и матери высылал по 200–300 рублей в месяц. Там еще так получилось: директор завода Федор Михайлович Карякин или Куракин, забыл его фамилию, – солидный дядька лет 55 – оказался моим земляком. Видимо, он заинтересовался, что это за слесарь с высшим образованием у него работает. Смотрю, идет начальник, а рядом с ним помощник, молодой парень, все записывает что-то. Он ко мне подходит, а я отверстия в кронштейне сверлю на станке.

– Здравствуйте.

Я говорю:

– Здравствуйте.

– Так как же вы попали сюда с высшим-то образованием?

– Как попал?! В семье семь человек, я второй. Живем плохо, в колхозах на трудодень дают по 100 грамм зерна. Нищенствуем. Вот я вынужден был завербоваться и уехать. Вот мой друг из села – Витя Похомов, хороший парень, он потом погиб под Москвой – работает кочегаром в 6-м паросиловом цехе. Он зарабатывает по 3000, а я еле 500 зарабатываю. Наряды лучшие отдают опытным, а я неопытный. Образование есть, а опыта нет. Я к Вите хочу перейти.

– Хорошо, мы рассмотрим ваше пожелание.

На второй день ко мне подходят, говорят: «Идите к Леванову, начальнику 6-го цеха. Вас туда перевели кочегаром». Уже это, денежки будут, понимаете?! Там я поработал. Можно сказать, в парной. В котельной стояли два шуховских котла размером девять на пять метров. Нам по телефону командовали: «Дать больше горячей воды! Дать газу!» У нас помимо котлов еще газогенератор стоял. Туда карбид кальция засыпали и водой заливали. Выделялся ацетилен.

В общем, попал я в рабочий класс. А знаете, что это такое – рабочий класс? Как получка, они все собираются в общежитии за длинными столами на дощатых скамейках. Руками потирают – сейчас мы ого-го! По стакану врезали, уже языки развязались, и начинают что-то по службе говорить:

– Вот я резьбу делаю... правая... а у тебя левая. Что-то не то... Ты врешь... Ты сам ничего не знаешь... Ты сваривать не можешь! – Все! Начинается драка. Морды побили. На следующий день на работу все перевязанные идут. И так два раза в месяц.

Я смотрю: «Нет, я тут не мастер».

Стал по утрам я бегать в аэроклуб имени героев-летчиков-челюскинцев учиться на летчика, а после обеда у меня вечерняя смена, я после нее иногда в ночную останусь.

Утром встаю, кое-что покушал... Рыбы было много. Я очень любил сома. Дадут тебе здоровенный кусок с картошкой. Стоил он 45 копеек, а зарплата здоровая – от 2700 до 3500 рублей, в зависимости от того, сколько выдам пару и газа в систему. Все учитывалось! Даже расход угля.

Окончил аэроклуб с отличием. Тут вызывают меня в горком комсомола в Хабаровске:

– Мы решили вас направить в Ульяновское летное училище.

– Отлично! Это как раз моя родина.

Выписывают мне бумагу, билет дают, как генералу, поезд, сел и поехал. Ту-ту – Чита, ту-ту – Ухта, ту-ту – Иркутск, потом – Новосибирск. Пятнадцать суток ехал. Приехал – опоздал на занятия. Захожу к горвоенкому. Говорю: так и так, аэроклуб окончил, приехал, думал, что поступлю. Заходит дежурный.

– Ну-ка, вызовите мне начальника строевого отдела.

Приходит.

– Скажите, где набор идет. У нас тут, видите, будущий воин хороший, аэроклуб окончил, а его не берут.

– В Казанском пехотном училище имени Верховного Совета Татарской АССР идет набор на первый курс.

– Вот, парень, туда пойдешь.

– Есть!

Выписывают мне направление. Сдал экзамены на «отлично». Попал в батальон майора Баранова. Курсантская норма хорошая, но все равно не хватает. Каждый где-то что-то доставал. Как-то я купил в магазине батон хлеба и иду в казарму. Навстречу командир соседнего батальона подполковник Устимов. Увидал меня, глаза свинцовые. Пальцем поманил:

– Идите сюда, товарищ курсант!

– Слушаю вас.

– Что у вас там?

– Батон, товарищ подполковник.

– Батон? Кладите его в лужу. Топчите!

Тут я взорвался. Все же голодовку 33-го года я пережил, а тут приказывают топтать хлеб!

– Какое вы имеете право давать такую команду – топтать хлеб?! Его, этот хлеб, собирают, кормят нас, а вы топтать?!

– Вы с какой роты?

– Я с восьмой.

– Доложите командиру роты Попову, что я приказал вас арестовать на пять суток.

Я пришел в роту. Доложил командиру взвода Шленкову, что подполковник с первого батальона мне пять суток дал вот за это, за то, за то. Он говорит:

– Ну что, отменить приказ не могу, давай ремень снимай, хлястик снимай, иди чисти туалет во дворе, посыпай хлоркой, мусор убирай.

Пять суток я отработал честно. Пишу жалобу начальнику политотдела училища полковнику Васильеву. А разозлился я очень сильно и в жалобе написал, что если он не примет меры, то я напишу командующему Приволжским военным округом. Ну, дело полити-

ческое, закрутилось. Вызывает меня и подполковника член Военного совета округа. Начал меня спрашивать. Я повторил всю историю. Он подполковника спрашивает:

– Вы давали это распоряжение?

– Так точно, товарищ генерал.

На меня:

– Выйдите!

Вышел. Как ему ЧВС дал там... Разжаловали и уволили из армии Устимова.

Учился я отлично. Был запевалой в роте, хорошо рисовал, играл на балалайке. Потом научился играть на аккордеоне, на пианино, хотел научиться на гитаре, но под рукой не было. Вот так жизнь пошла.

– **Армия для вас была родной средой?**

Я такой служака был, что вы! Дисциплинированный. Мне служба нравилась: все чистенькое, все тебе регулярно дают.

В конце 1940-го училище перепрофилировали в танковое. О! Мы эти проклятые ранцы, в которые командир взвода на марш-броски нам камней накладывал – выносливость вырабатывал, покидали. Старшина кричит:

– Не бросайте, это государственное имущество!

А мы рады, кидаемся ими. Начали изучать танк Т-26, бензиновый двигатель, хлоп-хлоп – пушка «сорокапятка». Знакомились с Т-28. Пригнали один Т-34. Он стоял, укрытый брезентом, в гараже. Около него всегда находился часовой. Поднял как-то командир взвода чехол:

– Вот видите, какой танк?! Таких танков товарищ Сталин приказал сделать тысячи!

И закрыл. Мы глаза вылупили! Тысячи сделать?! Значит, война скоро будет... Надо сказать, что ощущение, что война будет, было. У меня отец был хоть царский прапорщик, он всегда говорил: «Война с немцем будет обязательно».

Заканчиваем программу и в мае поехали в лагеря под Казань. Там были Каргопольские казармы, там учились когда-то немцы.

И вот, значит, началась война. Как раз послеобеденный сон был. Забежал дежурный по училищу: «Тревога! Сбор за горой». И вот всегда так – как послеобеденный сон, так тревога. За горой там плац такой, скамеечки сделаны... Ну все, война.

19-й и 20-й годы служили в армии, а среди нас были 21, 22, 23 и 24-й. Вот из этих шести возрастов погибло 97 процентов хлопцев. Хлопцам бошки поотрывало, побили их, а девушки впустую гуляют. Понимаете, это трагедия была...

В 1942 году сдали экзамены. Выпустили кого младшими лейтенантами, кого – старшинами. Я и еще двенадцать человек сдали на лейтенанта. И нас подо Ржев. А там ад был. В Волге вода кроваво-красная была от погибших людей.

Наш Т-26 сгорел, но все живы остались. Болванка в двигатель попала. Потом нас перебросили в 13-ю гвардейскую орденов Ленина Краснознаменную танковую бригаду 4-го гвардейского Кантемировского ордена Ленина Краснознаменного танкового корпуса. Командиром корпуса был генерал-лейтенант Полубояров Федор Павлович. Он потом до маршала дослужился. А командиром бригады был полковник Бауков Леонид Иванович. Хороший командир. Очень девчат любил. Молодой, 34 года, а девчат вокруг навалом – телефонистки, радистки. И им тоже хочется. Штаб постоянно нес «потери», отправлял рожениц в тыл.

На Курской дуге нам пришли танки канадские – «Валентайны». Хорошая приземистая машина, но чертовски похожа на немецкий танк Т-3. Я уже взводом командовал.

На наших танках как? Вылезешь из люка и машешь флажками. Чепуха! А когда радиостанции появились, тут стали воевать по-настоящему: «Федя, куда ты вылез, вперед давай!.. Петрович, догоняй его... За мной все». Вот тут уже нормально все пошло.

Так вот. Я надел немецкий комбинезон. Я обычно носил немецкий. Он более удобный. Когда надо в туалет сходить, сзади отстегнул, и все, а наш надо с плеч снимать. Все продумано было. Немцы, они вообще продуманные. Языком неплохо немецким владел – все же вырос среди немцев Поволжья. У нас учительница была настоящая немка. И на немца смахивал – русский. На своем танке нарисовал немецкие кресты и поехал. Пересек линию фронта, зашел в тыл к немцам. Там пушки с расчетами. Я две пушки придавил, вроде нечаянно. Мне немец орет:

– Куда ты прешься?!

Я ему:

– Шпрехен зе битте нихт зо шнель. – Мол, разговаривай не так быстро.

Потом подъехали к немецкой большой штабной машине. Механику Терентьеву говорю:

– Паша, сейчас прицепим эту машину.

Миша Митягин залазит в эту машину, ищет пистолет или что-нибудь пожрать. Я сижу на башне, пушку вот так ногами обнял, бутерброд уплетаю. Машину подцепили и поехали. Видимо, немцы заподозрили, что что-то тут не так. Как врезали из 88-миллиметровой пушки! Башню насквозь пробили! Если бы я сидел в танке, то капец мне. А так меня только оглушило и из ушей кровь пошла, а Пашу Терентьева чуть только в плечо осколком задело. Притащили эту машину. Все глаза вылупили – башня пробита насквозь, а все живые. Наградили меня за это дело орденом Красной Звезды. В общем, на фронте я немного хулиганом был...

Я вам скажу так. Немцы тоже люди. Они жили лучше нас и жить хотели больше нас. Мы так: «Вперед!!! А-а!!! Давай, туда его, сюда!» Понимаете?! А немец, он осторожный, он думает, что у него там кляйне киндер остался, там все свое, родное, а тут его на советскую территорию завезли. На черта ему нужна война?! А нам-то чем под немцами жить, лучше погибнуть.

– За что были представлены к званию Героя Советского Союза?

Мне Черняховский лично поставил задачу выйти в тыл противника и перерезать дорогу от Тернополя на Збараж. Он еще говорил:

– Отсюда мы нажмем. А ты там встречай. Они будут отступать, ты их бей.

А я так еще смотрю на него и думаю: «Нажмем... Немец нас самих зажимает, а он их сам хочет зажать».

А он:

– Что так смотришь на меня? – спрашивает.

Я промолчал, конечно. Рота 18 танков уничтожила, 46 пушек и машин и до двух рот пехоты.

Член Военного совета фронта Крайнюков так написал в своей книжке: «Начиная с 9 марта наши войска вели напряженные бои с окруженной в Тернополе 12-тысячной группировкой врага. Гитлеровцы упорно сопротивлялись, хотя ничто уже не могло их спасти.

Еще на первом этапе операции передовые подразделения 4-го гвардейского Кантемировского танкового корпуса (командир – генерал П.П. Полубояров, начальник политотдела – полковник В.В. Жебраков), действовавшего в составе 60-й армии, искусным маневром захлестнули вокруг засевшего в Тернополе немецкого гарнизона стальную петлю. Танковая рота гвардии лейтенанта Бориса Кошечкина, находившаяся в разведке, первой достигла шоссе Збараж – Тернополь и атаковала вражескую колонну. Танкисты Б.К. Кошечкина уни-

чтожили 50 автомашин, два бронетранспортера с прицепленными орудиями и много солдат противника. В огневом поединке гвардейцы подбили 6 фашистских танков и один сожгли.

Когда стемнело, командир роты поставил танки в укрытие, а сам, переодевшись в штатский костюм, пробрался к Тернополю и разведкал подступы к городу. Отыскав слабо защищенное место в обороне противника, коммунист Б.К. Кошечкин возглавил ночную атаку танков и одним из первых ворвался в город.

Доложив мне о ходе боев, об отважных и самоотверженных солдатах и офицерах, член Военного совета 60-й армии генерал-майор В.М. Оленин сказал:

– Сегодня мы направляем Военному совету фронта документы об отличившихся в Тернополе бойцах и командирах, достойных присвоения звания Героя Советского Союза. Просим безотлагательно рассмотреть эти документы и препроводить их в Президиум Верховного Совета СССР.

В самом Тернополе я два танка сжег. А потом по мне как дали, я еле выскочил из танка. В танке, даже если снаряд противника лизнет, сделает рикошет, то в башне все эти гаечки отлетают. Окалина в лицо, а гайкой и башку пробить может. Ну а если загорелся, открывай люк, быстрее выскакивай. Танк горит. Я такой – отряхнулся, бежать надо. Куда? В тыл к себе, куда...

– Что помогло выполнить задачу?

Во-первых, у меня хорошие хлопцы были. Во-вторых, я сам отлично стрелял из пушки. Первый, в крайнем случае второй снаряд всегда клал в цель. Ну и в карте я отлично разбирался. В основном у меня карты были немецкие. Потому что наши карты были с большими ошибками. Так что я только немецкой картой пользовался, которая всегда была за пазухой. Планшетку я не носил – мешает в танке.

– Как узнали, что присвоили звание?

В газетах приказы печатали. Такой был сабантуй... Меня заставили выпить. Первый раз пьяный был.

– В тот рейд под Тернополем вы пошли на Т-34. Как вам Т-34 по сравнению с «Валентайном»?

Никакого сравнения. «Валентайн» – это средний танк легкого пошива. Пушка стояла 40-миллиметровая. Снарядики к ней были только бронебойные, осколочных не было. Т-34 – это уже внушительный танк, и пушка там сначала 76-миллиметровая стояла, а потом нам поставили пушку Петрова, зенитную 85-миллиметровую, и дали ей подкалиберный снаряд. Мы тогда уже гарцевали – подкалиберный снаряд прошивал и «Тигра». Но у «Валентайна» броня более вязкая – при попадании снаряда осколков меньше дает, чем у Т-34.

– А по комфорту?

По комфорту? У них – как ресторан... Но нам же воевать надо...

– Вместе с танками приходили подарки, одежда?

Ничего не было. Только иногда, знаете, когда танки придут, пушку от смазки чистили, то там внутри находили бутылочки коньяка или виски. Так нам давали американские ботинки, консервы.

– Как с кормежкой на фронте было?

Мы не голодали. В роте был старшина Сарайкин, у которого была хозяйственная машина, кухня. Вообще-то она на батальон положена, но у меня усиленная рота была: 11 тан-

ков, четыре самоходных установки и рота автоматчиков. Ну что, война есть война... Смотришь, поросенок бежит. Шпок его! На трансмиссию затащишь, а потом где-то там костер разведут. Отрезал от него кусок, на костре подпек – хорошо. Когда человек полуголодный, он злее становится. Он так и ищет кого-нибудь прибить.

– Водку давали?

Давали. Но я старшине Сарайкину приказывал, чтобы он командирам взводов Новосельцеву Павлу Леонтьевичу и Буженову Алексею Васильевичу, любителям выпить, водку не давал. Сказал им:

– Хлопцы, если, не дай бог, вам башку пьяным отобьют, что я должен вашим матерям писать? Геройски погиб пьяный? Поэтому пить будете только вечером.

Зимой 100 грамм, оно не влияет, но надо же и закуску. А где ее возьмешь? Она еще бежит, летает, ее надо прибить, потом пожарить. А где?

Такой еще случай помню – под Воронежем, в Старой Ягоде стояли. Танки закопали. Повар поставил закуску для щей между печкой и стеной, накрыл тряпкой. А мышей до черта было. Они полезли по этой тряпке и все – в закуску! Повар не посмотрел и сварил. Нам втемную дали, мы сожрали все и ушли, а Михалцов Василий Гаврилович, зампотех наш, интеллигентный такой, даже капризный, и его друг Сыпков Саша, помощник начальника политотдела по комсомолу, пришли попозже. Сели завтракать. Им как навалили этих мышей. Сыпков шутит: «Смотри, какое мясо!» А Михалцова тошнить начало – очень брезгливый.

– Где ночевали?

Смотря какая погода – и в танке, и под танком. Если оборону держишь, так мы танк закопаем, а под ним такую траншею – с одной стороны гусеница и с другой. Десантный люк открываешь и туда спускаешься. Вшей покормили – ужас! Руку за пазуху засовываешь и вытаскиваешь гору. Вот соревновались, кто больше достанет. По 60, по 70 за раз доставали! Старались, конечно, их изводить. Прожаривали в бочках одежду.

Сейчас расскажу, как в академию поступал. Присвоили мне звание Героя весной 1944-го. Звезду Калинин мне вручал. Дали мне коробки, орденские книжки. Выхожу из Кремля – летаю! Молодой! 20 лет! Вышел из Спасских ворот, навстречу мне идет капитан Муравьев, маленький такой, глазки черненькие, – командир 7-й курсантской роты в училище. Моя была 8-я, ею Попов командовал, чтобы к нам попасть, через эту роту все время ходили. И вот я иду с этими наградами, а Муравьев такой:

– О! Борис! Поздравляю!

Я все же лейтенант – субординацию соблюдаю:

– Спасибо, товарищ капитан.

– Молодец! Куда сейчас?

– Куда?! На фронт.

– Слушай, война заканчивается, давай в академию! У тебя знания хорошие. Там как раз набор идет.

– Это ж надо направление из части.

– Ничего, я сейчас адъютантом у генерал-полковника Бирюкова, члена Военного совета бронетанковых войск, служу. Жди меня. Сейчас выпишу.

А я уже навоевался... вот так навоевался! Я устал. Да и война к концу... Мы пошли к нему. Он все написал, пошел к своему шефу, печать поставил:

– Езжай, сдавай экзамены.

Я все сдал на «отлично». Литературу принимал профессор Покровский. Мне достался «Дядя Ваня» Чехова. А я его не читал и в театре не смотрел. Я говорю:

– Знаете, профессор, я билет не знаю, что хотите ставьте.

Он смотрит – в ведомости одни пятерки.

– Вы чем увлекаетесь?

– Поэзию больше люблю.

– Расскажите мне что-нибудь. Поэму Пушкина «Братья-разбойники» можете?

– Разумеется! – Я ее как отчеканил!

– Сынок, ты меня удивил больше, чем Качалов! – Ставит мне пятерку с плюсом. – Иди. Вот так меня приняли.

– **За подбитые танки деньги давали вам? Должны были давать.**

Ну, должны были... За сдачу гильз тоже было. А мы их выкидывали, гильзы. Когда идет обстрел, а тут тебя прижало, по-большому или по-малому в нее сделал и выкидываешь.

– **С особистами не приходилось сталкиваться?**

А как же! Под Воронежем стоим в селе Гнилуши – это колхоз Буденного. Танки закопали во дворах, замаскировали. Я уже говорил, что у меня заряжающим был Миша Митягин – хороший простой парнишка. Этот Миша пригласил девушку из того дома, у которого наш танк стоял, Любу Скрынникову. Она залезла в танк, и Миша ей показывает: «Вот тут я сижу, тут сидит командир, вот там механик».

Особистом у нас был Анохин – сволочь редкостная. То ли он сам увидел, то ли кто стукнул ему, только пристал он к Мише, что тот, мол, тайну военную выдает. Довел его до слез. Я спрашиваю:

– Миша, что такое?

– Да вот, Анохин пришел, сейчас судить будет.

Пришел Анохин, а я его матом:

– Если ты, такой-сякой, пойдешь ко мне, я тебя, гадина, раздавлю танком!

Он ретировался. Этот особист остался живой – ну им что за война? Ни черта не делали, только кляузы писали. После войны я окончил академию, работал в училище. Меня загнали туда. Понимаете, если б я пошел по строевой, я давно бы уже был генерал-полковником, а то и генералом армии. А так: «Ты умный, у тебя академическое образование, у тебя высшее образование. Иди, учи других». Я уже был начальником училища, и тут звонок в дверь. Я открываю и вижу: стоят Кривошеин, начальник особого отдела бригады, и Анохин. Я как их матом покрыв и прогнал. Их никто не любил.

Комбатом у нас был майор Мороз Александр Николаевич. Хороший командир, из евреев. Настоящее имя и отчество у него было Абрам Наумович. Я скажу так. Евреи – они дружные. У нас, если не поделят власть или девчат, – уже драка и морды в крови. А они культурные. Я был потом директором завода в Киеве. У меня ювелирный цех был – одни евреи. Цех ремонта и изготовления счетно-вычислительной техники – тоже евреи. Работать с ними было легко. Культурные люди, грамотные. Никогда не подведут – ни руководство, ни сами себя.

Я взял одного по фамилии Дудкин в ювелирный цех, кольца делать. Забыл звать как. Он делал массивные обручальные кольца. Одна хозяйка, которой он кольцо сделал, ко мне пришла, ей нужно сделать из этого кольца два тонких. Даю там, кто на дежурстве был. Кольцо разрезали, а внутри медная проволока закатана. Оказалось – это Дудкин делал. Я его за воротник и в прокуратуру. Десять лет дали, все.

Они, конечно, хитрые. Начальник штаба батальона тоже был еврей, Чемес Борис Ильич. Они друг друга понимали. Сбивают самолет. Все стреляли. Ну, кому там Красную Звезду? А этот Мороз, поскольку Борис Ильич Чемес свой начальник штаба бригады, орден Ленина получил.

– Они берегли личный состав?

Ну как же! В бригаде потери были относительно небольшие.

– ППЖ были у кого? Начиная с какого уровня?

От командира батальона. У ротного не было ППЖ. У нас в роте были не медицинские сестры, а медбрат. Из танка раненого танкиста девочка не вытащит.

– Награждали хорошо, как вы считаете?

Плоховато. Все зависит от того, какой у тебя командир. Вот я, по ветеранским делам, знаю одного полкового писаря. Ему командир по результатам операции приказывал на ротных и взводных заполнить наградные на ордена. Он под это дело себе пишет представление на медаль «За отвагу». Набрал этих медалей четыре штуки.

– Безлошадные танкисты что делали в тылу?

Мотались в резерве, пока не получают танк или не угрожают кого. Тогда на замену могут послать.

– Экипаж у вас один был или менялись?

Экипаж? Ну, пока я был командиром взвода-роты, один был экипаж. Когда стал командиром батальона, уже подобрал другой себе экипаж. Лучшего механика, грамотного радиста.

– Вы работы по танку вместе с экипажем выполняли?

А как же. Окопы вместе копали. Даже когда командиром батальона стал. А если буду стоять курить, правда, я не курил никогда... буду стоять, молчать, что ж я за командир? И пушку со всеми чистил.

– Самое трудное время – это какое?

Весна, распутица. Тяжелое время. Зимой легче воевать. С Шепетовки шли, надо было реку форсировать. Она замерзла. Вышел на лед, банником лед начал простучивать – пробил. Не пройдет танк, надо выше по течению. А там такой тонкий лед, что подо мной проломился. Еле спасся. Хорошо, что шест в руках был. Летом хорошо воевать, красота.

– Вы были ранены?

Да, в 1943-м в обе руки. Завезли меня в госпиталь в Тамбов. Он размещался на улице Карла Маркса в магазине-гастрономе. Поскольку у меня обе руки были ранены, кормили с ложечки. Руки стали заживать, я газету выпустил – рисовал неплохо. Там была сестра медицинская – Лидия Акимовна Милованова. Она Сахновой, главному хирургу, говорит:

– Его надо задержать, пусть он нам газеты рисует.

А я это услышал, говорю:

– Нет, Лидочка, я должен идти на фронт.

Ну, сходил с ней в театр оперный через улицу. А там главным дирижером был капитан Шатров, автор музыки «На сопках Маньчжурии». Поцеловал ее, но не тронул. Ответственность! Она проводила меня на вокзал. Тепло было, а на ней такое синенькое платье в горошек... Вагоны все забиты – на фронт едут. На ступенях люди как виноград висят. Попрошались. Потом, когда в газетах про меня написали, она меня разыскала. А я ей написал: «Дорогая Лида, не могу ничего сделать. Живу в общежитии, пока не окончу академию, не может быть вопросов любви».

Крят Виктор Михайлович

(Интервью Артема Драбкина)

В 1939 году я окончил десятилетку и поступил в Одесский институт инженеров морского флота на судомеханический факультет, чему был страшно рад: во-первых, конкурс был 15 человек на место, во-вторых, я мечтал быть моряком, а судомеханический факультет готовил плавсостав. В сентябре 1939 года, когда Германия напала на Польшу и началась Вторая мировая война, прошла 4-я сессия Верховного Совета СССР, на которой был принят закон о всеобщей воинской обязанности. По нему лица со средним образованием призывались с 18-летнего возраста, а те, которые не имели среднего образования, призывались с 20-летнего возраста. Так вот, после принятия этого закона из 300 человек, принятых на первый курс, осталось человек 20, все ребята 1920–1921 годов рождения были призваны в армию.

Меня тоже призвали. Записали в команду моряков, но не отправляли, а ждали особого распоряжения. Из института меня отчислили, на работу не принимали – я же уже призван, только и жду команды: «В эшелон!» А распоряжения нет. Собралась нас команда одноклассников из пяти человек, они предложили: «Вить, поехали с нами!» Пошли в военкомат, а там без возражений меня в другую команду переписали. Я побежал на завод к отцу. Он тогда на заводе «Коммунар» работал. Сказал ему, что уезжаю, а вечером я уже был в эшелоне. А куда нас везли, мы, конечно, не знали. И только когда мы приехали в Москву, то поняли, куда мы едем. Уже началась Финская война, и везут нас под Ленинград. Доехали до Бологого, а потом повернули налево в Порхов, это такой маленький городок за Старой Русой. В нем стояла 13-я танковая бригада, которой командовал Баранов Виктор Ильич, получивший за войну в Испании звание Героя Советского Союза. Мы его так и называли – «Испанец». Вскоре после нашего прибытия бригада ушла на фронт, а на ее месте стали формировать 22-й запасной автобронетанковый полк, в котором ребят со средним образованием готовили на командиров танков, механиков-водителей и командиров орудий на трехбашенный Т-28.

Я мечтал стать механиком-водителем, а не командиром танка, так что попросил, чтобы меня направили во 2-й батальон, который как раз механиков-водителей готовил.

В процессе обучения несколько человек из нашего полка отобрали и направили на фронт, в 13-ю бригаду, чтобы вроде как нас обстрелять, чтобы мы почувствовали боевую обстановку. И вот мы прибыли в бригаду, тут ко мне один подходит и говорит:

– Ты можешь перегнать по льду машину?

– Могу.

– Давай.

Тут подходит мой командир танка младший сержант Прокопчук:

- Вить, ты куда?
- Вот попросили перегнать машину.
- Я тоже с тобой.
- Не надо, достаточно одного человека, мало ли что случится. Он пройдет, тогда вслед за ним будем перегонять оставшиеся танки.

В бригаде один батальон был на Т-26, а другой на БТ и несколько танков Т-37. Мы называли их «здравствуй и прощай». Он идет и кланяется.

Я сел за рычаги и поехал, разумеется, на первой передаче. Лед был присыпан снегом, но мороз стоял 40 градусов, ничего не должно было произойти, а тут – буль! Танк носом провалился под лед. Я ничего не соображаю, давлю на газ... До сих пор помню, как танк наклонился и кромка льда пронеслась мимо меня. Хлынула вода, и я потерял сознание. А мой командир танка... Нам всегда говорили на политзанятиях суворовский девиз: «Сам погибай, а товарища выручай!» А для танкистов это вообще обязательно, потому что экипаж – это семья. Но только после этого эпизода я понял, насколько это важно! Командир танка Прокопчук разделся, его быстро обмазали солидолом, чтобы в ледяной воде не замерз, и он полез за мной – глубина-то была небольшая. Нырнул, освободил мое сиденье и за воротник вытащил меня наверх. Но об этом я, естественно, узнал, только придя в себя.

Я очнулся, когда меня шесть медсестер растирали в санитарной палатке. Я, 18-летний парень, лежу голый под руками девушек. Я невольно прикрыл свой срам. А одна говорит:

– Смотри, он ожил! Нашел что закрывать!

Оба мы живы остались, но схватили двустороннее крупозное воспаление легких. Дело было в марте, дня за три-четыре до перемирия, а пролежали мы с ним примерно полтора месяца, до самого мая. Потом нам, как пострадавшим на фронте, дали по 30 суток отпуска.

Я приехал домой, а меня никто не ждет! Я не сообщил, что в отпуск еду, и тут приезжает солдатик, не в защитной форме, а в красивой серо-стальной. Мы ею очень гордились.

Отгулял, вернулся обратно в часть, и нас всех направили в лагерь, недалеко от Пулковских высот. Пробыли в лагере месяца два-три, а потом нас стали разбрасывать по частям. Так я попал механиком-водителем танкетки Т-37 в 177-й отдельный разведывательный батальон 163-й моторизованной дивизии 1-го механизированного корпуса, находившийся под Псковом. Во время войны такие батальоны стали мотоциклетными называть. В нем была танковая рота – 17 танков БТ и Т-37.

Т-37 – это маленький такой танк. Экипаж из двух человек. Трансмиссия и двигатель от ГАЗ-АА, а толщина брони максимально 16 мм. Но для разведки он вполне подходил. В батальоне была еще бронерота, в которой были бронеавтомобили БА-10 с 45-мм пушкой и более-менее солидной броней и БА-20 – вроде «эмки», только с пулеметом. Мы его так и называли: «бронированная эмка». Кроме того, была мотоциклетная рота – 120–150 мотоциклов АМ-600.

В мае 1941-го мы выехали в лагерь, а утром 22 июня: «Тревога!» Сначала нас по тревоге бросили под Ленинград. Мы все удивлялись, куда идем? Оказывается, наш 1-й мехкор-

пус перебрасывался на Карельский перешеек. Мы сосредоточились в Гатчине, а 3-я танковая дивизия была переведена севернее Ленинграда. А потом пришел приказ, и нашу 163-ю дивизию вернули обратно к Пскову. Прошли его, вышли на Остров. У Острова перешли бывшую государственную границу с Латвией, прошли Резекне и числа 30 июня, под Шауляем, столкнулись с немцами.

Пока шли к фронту, повсюду орудийные выстрелы слышали. Наш разведбатальон впереди дивизии. Тут нас останавливают, говорят: «Впереди немцы!» Комбат пригласил командиров взводов на совещание, а мы у танка сидим, разговариваем. И вдруг стрельба, снаряды рвутся. Немцы! Мы по танкам, а нас заперли – местность болотистая, да еще дождь прошел, мы ни туда ни сюда. Мне командир кричит:

– Влево, сходи с дороги в лес!

А я вижу, как снаряд – дзинь! – ударился об землю, подскочил и всем своим телом ударился о броню. Такой удар! Но ничего не пробил.

У меня мандраж! Я разворачиваю танк, и вдруг удар.

Командир кричит:

– Прыгай!

А у меня реакция замедленная, ничего не понимаю. Но, наконец, вылез из танка – и в кювет.

Ползу. Посмотрел назад – мой танк горит. Снаряд в моторное отделение попал. У танкистов только револьверы были, но мы на всякий случай получили винтовки и положили их на гусеничную полку.

Командир кричит:

– Давай за винтовкой!

Я вернулся обратно к танку, а винтовки уже обгорели. Кругом стрельба, по шоссе немецкие мотоциклисты идут. Нас, танкистов, человек шесть собралось, и мы пошли по лесу. Выбрались.

Идем на восток, уже смеркается, видим – машина грузовая идет. Мы сначала начали кричать, думали, что наши, а это немецкая была, мы уже позже сообразили – она же в камуфляже, а у нас таких не было. Вдруг из машины в нашу сторону полетела граната! Мы автоматически упали. Я помню, как она летела и от запала искорки отлетали, как маленький фейерверк.

Я увидел, как она упала и взорвалась. Никого не задело. Колька Карчев – запевала наш, у него изумительный тенор был – кричит:

– По кузову!

Окрыли стрельбу, а в ответ тишина. Мы начали кричать – молчание. Подошли, никого нет, мотор работает, машина завязла, а в ней всякие мешки с продуктами, обмундированием и другое интендантское барахло. Мы бросили мешки под колеса, вытолкнули машину, сели в нее и поехали. Так и приехали к нам в батальон. Как мы на него вышли, не зная обстановки, до сих пор не понимаю. Но приехали точно в расположение.

После этого мотоциклисты и мы, танкисты, что без танков остались, начали воевать по-пешему. Мы ездили на машинах или на броневику (там спереди такие крылья, и мы ложились – один на одно крыло, другой на второе с винтовкой) в разведку.

Был еще один бой, пехотный. Дивизия ударила по немцам, они вроде как отошли, но на самом деле просто обошли наши позиции, да еще сзади десант выбросили – перекрыли дорогу на Остров. Дивизия хотела вернуться на свои зимние квартиры, но ничего не вышло. Так вот я удивился пехотинцам: они плюх – и отползают, а поднимаются уже в другом месте, а нас-то этому не учили! Мы плюх – и с этого же места поднимаемся, а немцы по этому месту лупят. Я так и не понял, почему нам не давали такую общую подготовку? Она нужна всем, надо знать, как воевать по-пехотному!

Вышли из окружения в районе Опочки. Командовал нами начальник бронетанковой службы дивизии. Он организовал вокруг себя человек 20 танкистов, так мы и шли... Мы по болотам, а немцы по дорогам.

Вышли на переправу через какую-то речку, там Т-26 нашего 25-го танкового полка обороняли подходы. Отбивались от самолетов счетверенными «максимами», ну еще из винтовок стреляли, больше никаких зенитных средств не было. Немцы летали на высоте максимум 200–600 метров, а пикирующие Ю-87, Ю-88 ходили по головам. Как только начинается утро, если солнце – мы будем под авиацией. И вот летит орда, самолетов 30–50, и все бросают бомбы. Они сыплются... Страшно! Не дай бог попасть под бомбежки немецкой авиации... Только в конце июля – начале августа появились МиГ-3. Они хорошо дрались. Наши «ишачки» И-15, И-16, они маневренные, но «мессера» их били беспощадно.

Вышли к своим. Мы к тому времени повыбрасывали противогазы, понабивали противогазные сумки сухарями, гранатами, патронами – всем вперемешку. Но главное – мы остались все равно танкистами. Темно-синие комбинезоны пришлось снять, а танкошлемы мы оставили. Для маскировки ломали ветки и прикрывали их. Потом отходили, отходили. Были и панические настроения. Помню, Колька, когда попали в окружение, говорит:

- Ребята, давайте сдадимся в плен, а потом удерем.
- Тебе так и дадут удрать. И вообще, как это сдаться в плен?! Ты что, Коля, очумел?!
- Жизнь сохраним. А потом будем их долбать.
- Они тебя уничтожат, и все.

У многих появилось психологическое безразличие. Помню, мы вошли в тыл к немцам. Ну и напали на колонну наших пленных километрах в двадцати от линии фронта. Длинная колонна, примерно из 1000 человек, а охраняли их человек десять – мотоцикл впереди, мотоцикл сзади. Мы напали, перебили охрану. Ребятам показали направление, по которому мы шли, по болотам, немцы же в 1941 году не сходили с дорог, они боялись лесов, болот, а мы только по лесам и болотам ходили. Указали дорогу, а пленные уселись и не тронулись с места! Человек сто только пошло... И все же большинство верило – научимся воевать. И еще мы понимали: для того, чтобы остановить отступление, нужно сломить ту психологию, которая появилась.

Вот пример – мы, разведчики, занимали оборону на флангах, чтобы прикрыть штаб дивизии. Мы роем окопы, занимаем оборону, а смотрим не вперед, а назад – куда мы будем бежать, когда подойдут немцы. Так было...

Мы понимали, что не остановим отступление до тех пор, пока не подойдут новые соединения, те, которые не привыкли отступать. Под Ржевом я видел, как два наших КВ дрались против 30 немецких танков. По ним лупят – ничего, а они их долбали тараном. Когда мы поближе подошли, сколько же на них вмятин было... Тогда их никакая противотанковая артиллерия не могла взять, не было у немцев таких снарядов. Да и мы по-настоящему бились. Штаб гренадерской дивизии разгромили. Нас 25 человек напало на них ночью. Это для меня была наука – ни в коем случае не снимать обмундирование во время сна: немцы выскакивали в белом белье, и мы их щелкали. Вообще, из нас тогда группу глубинной дивизионной разведки сформировали. В этой группе человек тридцать было. Иногда всю группу посылали, иногда человек 5–6 для наблюдения, сколько прошло машин, танков. Переносных раций у нас тогда не было. Вообще, рации были только в батальоне, а в танке – у командира роты, а так связь осуществлялась посыльными, а связь между танками – флажками. Я тогда говорил: «Ребята, будь у нас радиостанции...» А в 1943-м понял, что, будь у нас радиостанции, мы бы все равно радиомолчание хранили, чтобы нас не запеленговали...

Наша дивизия тогда на Северо-Западном направлении воевала, им маршал Кулик командовал. С ним тогда такой случай был – он в окружение попал и пропал. Из разведчиков отобрали добровольцев, сколотили группы по пять человек – должны найти маршала. Мы

десять дней ходили, искали. Нашли! Но не наша группа, другая, а с нашего батальона не вернулось три группы – попали к немцам.

А потом немцы ударили со стороны озера Ильмень и со стороны Демянска и окружили 8, 11, 27 и 34-ю армии. Начали выходить из окружения... но на востоке они организовали заслон, стянув туда танки и артиллерию. Ночью со всех сторон по кольцу окружения – ракеты, такое ощущение, что мы со всех сторон окружены и нам не выбраться. Но мы, разведчики, тыкались, тыкались и обнаружили, что на западе почти никого нет, только мелкие подразделения, сигнальщики. Тогда сгруппировали всю артиллерию на востоке, открыли огонь, а сами пошли на запад, потом повернули южнее Демянска на юг, а потом уже на восток. Так почти без потерь вышли.

Ожесточенные бои на Северо-Западном фронте продолжались, но меня это уже не касалось. Оказывается, Сталин отдал приказ, что всех специалистов различных родов войск, которые воюют в составе стрелковых частей и подразделений, вернуть в тыл для изучения новой техники и укомплектования своих частей.

Нас, кто остался в живых – артиллеристов, танкистов, летчиков, собрали, посадили в два пульмановских вагона, прицепили к товарняку, назначили старшего, дали нам на пять дней сухой паек и повезли в тыл. Приехали в Вологду. И тут был один случай. Я был дежурным по тормозной площадке. Пролетели самолеты, впереди разрывы. Наш паровоз остановился. Потом подъехала дрезина, и начальнику эшелона объясняют, что разбомбили поезд, который шел на фронт. Нужно растащить вагоны. Они горят, а в них боеприпасы: «Вы фронтовики, вы обстрелянные, а стрелочники боятся работать». Мы подъехали к поезду – действительно горят вагоны. Нам показали, как отцеплять. Отцепили, растащили вагоны. А там, кроме боеприпасов, еще и вагон с водкой был. Мы набрали горелой водки, выпили – не понравилось. И тут ребята нашли антифриз. Танкисты знали три вида антифриза: водоспиртовая смесь, водоспиртовая глицериновая смесь и этиленгликоль. Водоспиртовой антифриз мы всегда пили. Ребята попробовали – сладкий, как ром. В результате набрали антифриза, сами выпили и в вагон притащили. А я не знал. Тут ко мне ребята подбегают:

– Витька, ребята, Колька Рачков, Колька Корчев, умирают!

– Как умирают?!

Подбежали. Их рвет, катаются, кричат. Я знал, что отравления лечат молоком. Это как протвоядие... Нас срочно подцепили и привезли в Ярославль. В Ярославле их сгрузили, 17 человек. Какова их судьба, я так и не знаю. А потом выпустили приказ о том, что, не разобравшись, пьют технические жидкости, которые приводят к отравлениям и гибели. Этот приказ зачитали нам, танкистам.

Наконец мы прибыли в Горький, где находился 15-й учебный танковый полк, готовивший механиков-водителей на Т-34, а я попал в соседний, в котором готовили механиков-водителей и экипажи на КВ. Я был комсомольским вожаком, да еще вдобавок рисовал, и меня решили оставить в штате. Я говорю, не хочу – хочу на фронт. Тем не менее меня назначили младшим механиком-водителем, потому что механик-водитель КВ – офицер, техник-лейтенант. И вот со мной такой случай был. Вывели наши танки на полигон для стрельбы. А танк новый, я его облазил, изучая, заглянул во все дырки. Заглянул в дырку, где прицел. Мне: «Не мешай». Я обошел танк и заглядываю в дырку, где пулемет. Заглянул, и, только я поднял голову, в это время очередь из пулемета! Они же меня не видели. И тут до меня дошло: «Меня же чуть не убили!» Я потерял сознание и свалился с танка. Командир танка это увидел и приказал: «К танку не допускать!» Меня назначили поваром. Я им борщи, кулеши готовил, а потом и говорю:

– Я же механик-водитель.

– К танку не допускать, пока не придешь в себя после этой тупости.

Но потом все-таки начали меня готовить на механика-водителя. Натаскали хорошо, сдал на механика-водителя третьего класса танка КВ, но на должность не назначили – как был младшим механиком, так и остался. И потом вдруг пришел приказ набрать курсантов в Казанскую танко-техническую школу, которая готовила танкистов на иностранные марки, мы там «Валентайн», «Матильду» изучали... В основном готовили на «Валентайн». Выучился и попал с ним под Прохоровку в 170-ю танковую бригаду 18-го танкового корпуса, зампотехом роты. Там на базе МТС организовали починку танков, ремонтниками были пацаны с МТС, а мы руководили ими – вроде инженеров по ремонту. В бригаде были и «Валентайны», и Т-34. Я сперва на «Валентайне» был, а потом перешел на Т-34.

– Как вам «Валентайн»?

По-разному. Были бензиновые, английские – их мы не любили. На нем стояла слабая 45-мм пушка. А вот на танках канадского производства и «Дженерал моторс» 57-мм пушка стояла. Она хорошо пробивала броню и могла бороться с немецкими танками. Опять же, у английских бензин – они горели, а канадские – дизельные и очень хитро устроены были. У них топливные баки были в полу, так что попасть в них было почти невозможно. В то же время запчастей для них практически не было. Приходилось брать запчасти с подбитых танков. Помню, после форсирования Днепра сделал пять «Валентайнов» из десяти. Остальные пошли на запчасти. Составили дефектную ведомость: какие сняты детали, какие танки ушли на разборку. Я ее предоставил в штаб батальона, а оттуда в штаб бригады. В бригаде их списывают. За восстановление танков на Днепре мне дали орден Красной Звезды.

Еще одна особенность – они были очень ремонтпригодные. А какой у них дизель замечательный! Очень тихий, очень экономичный и удобный в эксплуатации. Единственный недостаток – он тихоходный. Максимальная скорость – 28 километров в час. Ну и очень были капризные бортовые фрикционы – все время их нужно было регулировать.

Кроме «Валентайнов» у нас были еще «Матильды». Их не любили. Помимо всего прочего, в боекомплекте были только болванки, осколочно-фугасных не было, а для борьбы с пехотой был только пулемет.

– Вам удалось поехать на «Пантере»?

Да, она очень легкая в управлении, но ремонтировать невозможно. У них стояли 8-вальные коробки передач по 16 скоростей. Планетарная механика поворота – тоже сложная в ремонте. Немцам приходилось танки для ремонта в Германию отправлять, а мы текущий ремонт силами экипажей организовывали. У нас в батальоне была летучка типа А. Так мы с ее помощью слезки делали для коробки передач или для бортовых фрикционов! А что говорить о бригаде РТО?! Там были и машины с фрезерным станком, летучка типа Б, токарный станок, походное зарядное устройство для аккумуляторов, все необходимое для ремонта электрооборудования машин, кузнечная летучка – у нас было все для ремонта! Подвижная танкоремонтная база в корпусе была. Они уже могли капремонт делать, а уж про фронтową подвижный танкоагрегатный ремонтный завод я и не говорю. Так что мы если отправляли танк на завод, то только на переплавку.

Под Яссами был ранен, попал в госпиталь. После госпиталя начал догонять свой корпус. По дороге я заболел малярией, и меня отправили в медсанбат. Там жена заместителя начальника разведотдела корпуса служила, говорит: «Витя, ты полежи». Когда немного поправился, приехал замначальника разведотдела корпуса, говорит: «Должностей нет, давай в разведку зампотехом». В разведбате была танковая, мотоциклетная и бронетранспортная роты, и я сперва попал зампотехом в мотоциклетную роту.

18-й танковый корпус в то время входил в состав 6-й танковой армии, которая практически вся на иностранных танках была. Там ребята были, с которыми я в Казани учился, они

меня знали – я вратарем футбольной команды был, чемпионом училища по фехтованию. На танках 6-й армии вошел в Бухарест, дошел до Болгарии, а потом нашу армию развернули в Трансильванию. Форсировали Тису.

Потом наш корпус вывели из состава 2-го Украинского фронта и перевели в состав 3-го Украинского. Из мотоциклетной роты меня перевели в бронетранспортерную роту, но я же танкист! Там я был мало, но успел получить из 4-го мехкорпуса бронетранспортеры М-17 и бронеавтомобили (4-й мехкорпус в другое место переводился, и там они должны были получить другую технику, так что он технику оставлял, а людей перекидывал). Потом меня наконец-то перевели в танковую роту на Т-34 того же разведбата. В ней я провоевал почти до конца войны. Вдруг мне говорят: «Витька, давай на батальон трофейных «Пантер». Хорошо. Надо сказать, что «Пантеры» в атаку не бросали – их свои бы побили. А вот заткнуть дыры, в засаду поставить, прикрыть фланг – это их задача. Фактически этот батальон выполнял функции охраны штаба корпуса. «Пантеры» были перекрашены в обычный наш зеленый цвет, на башне была большая красная звезда с окантовкой и еще красный флажок.

Ранений у меня больше не было, но было ДТП. Я ехал на своем мотоцикле «БМВ» с коляской, в которой сидел ординарец. По дороге вели колонну пленных мадьяр. Они расступились, а тут мне навстречу «ЗИС-5» с боеприпасами. Он меня крылом как рубанет по левому борту, мотоцикл вдребезги, а у меня выбита коленка. Мне вставили чашечку на место, перевязали, но мотоцикл пришлось бросить.

Вскоре меня с трофейных танков вернули на должность зампотеха танковой роты разведбатальона. От Вены наш разведбат пошел в наступление в полном составе, обычно-то мы группками действовали. Разведгруппа – один-три танка, пара бронетранспортеров или броневики и пять мотоциклов – так тыкались. Корпус своими разведгруппами как бы распускал щупальца. А тут впервые батальон в полном составе наступает! Встретились с американцами на реке Энс, выпили. 8 мая поймали по танковым радиостанциям сообщение Би-би-си о том, что немцы капитулировали. Такое было состояние! Ликование! Я остался жив! Начало войны, тяжелый 1941 год, отступление – все это промелькнуло перед глазами. Мы победили, я остался жив! Все ошалевшие! Мы сначала стреляли из ракетницы. Потом вытащили пулеметы. Стреляли с рук трассирующими пулями вверх, салютовали. Развернули пушки в сторону Альп и начали лупить из танковых пушек по лесу.

Мы с американцами пьянствуем, и вдруг из леса выходят немецкие танки. А наш батальон стоит машина к машине, никакой маскировки. Авиации нет. Хорошо, что еще не все патроны расстреляли. Тут подходит немецкий генерал о сдаче в плен договариваться. На сердце отлегло! Мы-то сначала думали, чем стрелять, а немцы сдаются. Немцы построились, мы выделили два броневики и одного офицера, чтобы он сопровождал эту дивизию в плен, а сами вперед! У нас приказ: «На запад!» Мы смотрим – подразделения американской армии стоят по обочинам. Оказывается, их предупредили, чтобы они нам освободили шоссе. Мы

так летели – мотоциклы, бронетранспортеры, автомобили и танки с одной и той же скоростью – 60–65 километров в час. А потом, когда закончилось горючее, мы встали и думаем: «Чего дальше-то делать?»

А американцы, когда нас пропускали, они смотрели на нас с изумлением: куда прутся эти русские? Там же все остановилось, а мы перли. Два дня стояли без горючего, потом нам подвезли горючее, мы заправились, и нам приказали возвращаться. Мы вернулись.

– Ваши родные так и оставались на оккупированной территории?

Мама и брат. Отец нет. Он был инженером, начальником производства на заводе «Коммунар», военнообязанный, капитан. Был призван в армию в 1941 году. Воевал на Каховке. Вскоре вышел приказ о том, что всех инженеров-производственников, которые были мобилизованы, вернуть на производство, на заводы. И его демобилизовали в районе Сталинграда – отправили в Горький на завод. Он был главным механиком завода. Позже я его встретил в Австрии. Он руководил разборкой технологических линий заводов «Штейр». Все станки они нумеровали. Грузили и отправляли эшелон за эшелонами.

Мама осталась с бабушкой в оккупации, поскольку та не могла ходить. Мама ходила с тачкой, в которой была швейная машинка, по селам, шила, зарабатывала деньги. Кормила бабушку и маленького брата, ему было всего 3 года. Мой средний брат, политрук роты автоматчиков, погиб на Донбассе летом 1942 года.

– Вы говорили про ненависть к немцам. С какого времени она появилась?

Она появилась практически сразу. Мы же разведчики, мы видели, что делали немцы. В Латвии они не жгли ни деревень, ни хуторов, ни городов. Они старались привлечь население на свою сторону. А на нашей территории они жгли деревни – повсюду был пламень пожаров. Одни пепелища от деревень. А где жители? Никого нет. Вот откуда ненависть. Когда видишь мертвого солдата – это тяжело, но понятно – он воевал, защищался. Но когда лежат мирные жители, то вопрос «За что?» перерастает в ненависть. Это было внутреннее чувство – если я не убью немца, то он убьет меня. И была вроде как жажда еще убить, убить немца в бою, когда он мишень. Мы стреляли по немцам, как по мишеням. Были случаи, когда мы их захватывали в плен. Один раз мне даже жалко стало – раненый, окровавленный, причем француз. По-человечески было его жалко, но все равно мы знали, что это враг.

Но нужно стрелять в вооруженного врага, а вот в пленного – такого никогда не было. Кроме тех случаев, когда захватывали власовцев. После войны сказали, что 10 тысяч пленных власовцев находились в лагерях в Сибири. Я удивился – кто же их оставил в живых, когда в плен брал?! Мы их не оставляли. Но они и дрались не так, как немцы. Они дрались насмерть – на танки шли с автоматами.

Но нужно сказать, что немцы – неплохие солдаты. В 1941 году редко одного-двух удавалось захватить, да и то они с усмешкой воспринимали плен – тогда они не сдавались. Только после Курской битвы стали в плен попадать, а уже в 1944 году они просто шли и поднимали лапки кверху, сдавались подразделениями.

– Приходилось расстреливать пленных?

У меня был только один случай, когда я был уже заместителем командира роты по технической части. Дело происходило в Венгрии, в районе Субботицы. Наши ушли, а я остался с танком, на котором заклинило двигатель. Начали готовиться к капитальному ремонту, вытащили аккумулятор – все сделали для того, чтобы можно было заменить двигатель. Когда наши уходили, они мне оставили пленного обер-лейтенанта: «Когда подойдет пехота, отдай ей». Разговаривали с ним. Он показывал фотографии жены, детей. В это время просочилась группа немцев из Будапешта. Они вышли из леса и идут. Он вскочил и начал что-то кри-

чать. Я его останавливаю, он отскочил от меня и опять что-то кричит. Мне командир танка и говорит:

– Виктор, шлепни его к чертовой матери. Что ты с ним возишься?!

– Я же не знаю, может, он кричит, чтобы они сдавались? Чего его шлепать?

– А чего он орет?

Немцы услышали и пошли на наш танк. Мы зарядили орудие осколочным. А как пушку повернуть? Аккумулятор-то вытащили! Вручную... Повернули башню, дали осколочными пару выстрелов. Немцы залегли, а потом начали отходить. Он опять начал кричать. У меня не поднималась рука его застрелить – ведь только что с ним разговаривали. Командир танка выхватил пистолет и выстрелил.

Был еще случай с власовцем с Западной Украины, у него не было нашивки РОА, он был в немецкой форме. Я его привез к пехоте. Говорю: «Ребята, заберите его». Они не стали церемониться.

Ну, а разведчик в принципе не имел права пленного убивать. Был у нас случай под Будапештом. Мы где-то 30 декабря сдали наш участок пехоте и отошли немного в тыл, привести в порядок технику, принять пополнение, все такое. И вдруг меня вызывают: «Виктор, бери группу. Вот тебе два мотоцикла, и дуй на передовую. На фронте непонятно, что творится». А это же 31-е число! Утро, я хотел поехать в медсанбат к девушкам, отмечать Новый год! Думаю: «Ладно, скоро вернусь». Едем. Смотрим – наши отступают. От Комарно на Будапешт. Меня это насторожило. В чем дело? Немцы прорвались! Поток отступающих все меньше, меньше, и вдруг все – наших нет. Ехать вперед опасно. Сворачиваю с дороги в распадок. Вижу, едут мотоциклисты, а потом поток машин, танков. У меня была английская радиостанция с танка «Валентайн». Я передал: «Немцы прошли, я нахожусь там-то». Теперь думаю, как мне выходить? Только на юг, в обход Балатона, – другого выхода нет. Я дунул на юг. Свободно вышел, немцы еще не добрались до этого места. И пошел к своим. Заняли оборону. Погода нелетная, никаких данных нет. Пехота тыкалась, «языка» взять не может. Разведбату приказ: «Добыть данные».

Батальон нанес удар, прорвал линию фронта, и два бронетранспортера М-17 вышли в немецкий тыл. Замаскировались в кукурузе у дороги, ждут. Им бог послал подарок – колонну легковых машин. Впереди бронетранспортер, сзади – тоже и два десятка машин. Едет начальство! Они как ударили с крупнокалиберных пулеметов – машины горят. Ребята бросились к колонне, набили бронетранспортер портфелями, взяли живыми несколько офицеров: генерала, подполковника и капитана. Подполковник оказался власовцем. Начал им мораль читать: «Я весь мир объездил. Отец у меня профессор. Что вы видели в этой жизни? Вы как жили серыми, так ими и останетесь». Ребята обозлились, исколошматили его, но перестарались – привезли труп. Генерал оказался интендантом – что он мог знать? И капитан тоже не особенно много знал. В разведбате говорили, что ребята из этой группы получают как минимум орден Боевого Красного Знамени, а Катушев, командир группы, – Героя. А им дали по ордену Отечественной войны, и больше ничего! Да еще выговор с разбором поведения. Разведчик не имеет права трогать захваченного пленного!

– Наших солдат, сдававшихся в плен, видели?

Видел. В окружении. Мы лежим, и вдруг смотрю: поднимается один, потом другой и идут сдаваться в плен. Вот тут хочется их шлепнуть. Кто же драться будет? Но стрелять не стал. Черт с ними! Мы знали, видели, как немцы с пленными обращаются.

– В вашем подразделении были люди молодого возраста в основном? Или были люди постарше?

Мне было 19 лет, но были и постарше. К войне все одинаково относились – надо Родину защищать. Вот когда мы из окружения у озера Селигер вышли, меня, младшего сержанта, назначили командиром взвода. Я должен был готовить пополнение из людей, годившихся по возрасту мне в отцы, 40–45 лет. Я учил их стрелять, но что я, танкист, мог им показать в плане тактики? Управлять солдатами я не мог.

– Как была поставлена эвакуация танков?

Практически всю войну штатных тягачей не было. Мы их делали сами из танков, снимая с них башни. Надо сказать, что тягач из Т-34 плохой, поскольку на танке не устанавливался редуктор пониженных передач. Часто для вытаскивания нужны были бы такие шасси, как ИС или КВ, где есть пониженная передача. Из «Валентайна» тягач не сделаешь – слабоват движок, чтобы что-то таскать.

– Как вам Т-34?

Я считаю, что это была нормальная скоростная машина. Если мы прошли на Т-34 от Ясс и до конца войны, это значит, что Т-34 надежнейшая машина, ремонтпригодная, эксплуатационно-технологичная, простая в обслуживании. Если у Т-34 главный фрикцион неисправен, то можно и на бортовых завестись и поехать. Включил 3-ю передачу, выжал бортовые фрикционы, включил стартер. Да, нагрузка на аккумуляторы будет большая, но ничего, заведется. После этого рычаги на себя – оп! Рычаги вперед – и пошел! В мирное время я был старшим офицером по вождению и технической подготовке. Когда был зампреда комитета по присвоению классности, мы принимали экзамены на мастера вождения. Если механик-водитель не умеет трогаться с неисправным главным фрикционом, значит, он мастера не достоин.

– Воздушные фильтры нормально работали?

В пыли – не особенно. А вот в Европе, когда мы шли по асфальтовым дорогам и только для боя разворачивались, пыли как таковой нет, тут проблем не было.

– Со временем Т-34 становились надежнее или, наоборот, качество сборки падало?

Мы добивались повышения качества. Когда принимали танки на заводе, то их проверяли и составляли дефектные ведомости. На каждый танк бывало 100–150 недостатков: нет шайбы под болтом, коронная гайка не закреплена штифтом, недовернут болт, торсион неправильно отрегулирован – вот такие мелочи. Все записываем и даем тому, у кого мы принимаем танк, на исправление. После этого мы по списку проверяем, чтобы все было сделано.

– Были ли случаи преднамеренного вывода танка из строя?

У меня в роте был такой случай. Это было под Кривым Рогом на Днестре. На катках «Валентайнов» стоял колпак, в центре которого была пробка, завернутая гайкой. Для смазки катков в это отверстие набивали солидол. Один механик-водитель взял, повыворачивал эти заглушки и выбросил, а мне докладывает:

– Я не могу идти в атаку. У меня нет заглушек.

– Где они?

– Не знаю.

Тут разбираться некогда было. Я просто взял ветошь, забил дырки:

– Иди в бой!

После боя спросил командира танка, почему он не следил. Разумеется, доложил командиру роты, но не знаю, что было с экипажем.

Был еще такой случай. На подъеме механик-водитель на большой скорости не плавно выжал педаль главного фрикциона, а рывком – все диски коробятся, фрикцион ведет. Я такому умнику сразу сказал:

– Меня это не касается. Трогай на бортовых и иди в атаку.

О подобных случаях я докладывал командиру роты, командиру батальона и зампотеху батальона. Когда танки актируются на списание, то тут нужна еще и подпись смершевца. Он все время двигался со штабом батальона. Нужно мне списать, я подхожу: «Танк сгорел». Он подойдет, посмотрит, подпишет акт. Только сгоревшие танки считались безвозвратной потерей, остальные танки ремонтируются.

Был еще случай – механик-водитель во время бомбежки выскочил из танка, смандражировал. Я его понимаю, сам несколько раз был под такими бомбежками, что думал, уже все. После бомбежки чувствуешь полное опустошение, безразличие и хочется спать. Но надо уметь себя держать в руках. Страх – это такое чувство, которое можно контролировать. Я всегда говорил: «Ребята, не выскакивайте из танка во время бомбежек. За всю войну на моих глазах было только три прямых попадания в танк авиабомб. Только три! А сколько было бомбежек!»

– **Были ли повреждения авиационных пушек?**

Практически не было.

– **Механики-водители могли только водить танки или все же были способны их обслуживать?**

Четко было установлено, что каждый механик-водитель должен получить не менее 13 моточасов вождения, прежде чем сдать на права. Кроме этого, он должен сдать экзамен по технической подготовке и обслуживанию танка. Он обязан знать танк, регулировки.

Если механик-водитель не умеет обслуживать машину, как он будет на ней воевать? Он должен заправить машину, смазать, подтянуть, например, ленивец. Если на Т-34 ленивец опущен, то гусеница на ведущем колесе будет проскакивать, не цепляясь гребнями.

Помню, когда мы атаковали под Кривым Рогом село Красная Константиновка, много танков потеряли, но так ее и не взяли. В ней три «Тигра» стояло. Село наверху, а внизу – речушка с заболоченной поймой. Наши танки спускались вниз, а потом медленно ползли по раскисшей земле, а их в это время лупили. Позже, ночью штрафной батальон без единого выстрела захватил это село и вырезал всех немцев, которые там оборонялись.

Пошли мы ночью танки эвакуировать. Вот стоит один танк, порвана гусеница. Завели – нормально работает. Но натянуть гусеницу нормально не можем – оторван кронштейн ленивца, натяжения нет, гусеница проскакивает по ведущему колесу. Пошли обратно, взяли

пехоту. Поставили пехотинца на каждый трак, натянули гусеницу на первый каток и стянули специальным пауком для стягивания траков. И так мы вывели этот танк с поля боя. Потом с сожженного танка, безвозвратной потери, мы срезали автогеном кронштейн ленивца, приварили. Этот танк потом превратили в тягач.

Или вот еще случай. Рядом стояли два стога сена, к каждому стогу сена поставили по танку. Наутро экипаж просыпается, а немцы с другой стороны стога сена поставили свои танки. Наши первые увидели, открыли стрельбу. Один танк сожгли, а второй сжег один наш танк и удрал. Причем экипаж этого сгоревшего танка смандражировал – увидел немецкий танк и убежал, бросив свой танк. Экипаж приходит – танк сожжен. Мы со смершевцем пошли проверять и составлять акт на списание. Смотрим – танк пробит в нескольких местах, а экипаж цел. Такого быть не может! Начали спрашивать:

– Командир приказал выпрыгнуть из танка.

– Где командир?

– Не знаем.

Что с них возьмешь – им приказал офицер. Дали им по пять суток ареста и вычет из зарплаты. Механик-водитель получал 325 рублей и фронтовые. Я, зампотех, получал 700 рублей. Это были деньги! У них вычли 50 % ежесуточно. А офицер пропал, и все. Через несколько месяцев мы его встретили. Оказалось – он удрал в пехоту! Причем за это время успел пройти от командира взвода до командира батальона и заработать два ордена! Мы Ломову, контрразведчику, сказали. А он говорит:

– Чего его судить, если он все равно пошел воевать? Человек воевал, заработал ордена. Он же не удрал с поля боя и не дезертировал. Он только поменял род войск.

Контрразведчик у нас был нормальный мужик.

– **Были такие случаи, когда танк идет в атаку, экипаж выпрыгивает и танк сжигают?**

С такими случаями не встречался. Даже не слышал о таком. Как можно подставить танк? Это смерть самому.

Когда шли в атаку, то вне танков в танковой роте оставались я, зампотех, мои танковые техники, регулировщик, санитар и санинструктор. Санинструктором у нас была небольшого роста восемнадцатилетняя девочка Аза. Ей было очень тяжело вытаскивать раненых членов экипажа, и она придумала такую узду, которую продевала в подмышки раненому и потом поднимала его всем телом.

Она была влюблена в командира роты. Я тоже подбивал к ней клинья, но получил от ворот поворот: «Витя, я его люблю». Однажды его танк был подбит, а сам он был ранен. Она пошла вытаскивать его, и я с ней. Мое дело эвакуировать танк, но надо сначала вытащить экипаж, оказать первую помощь. Так что я ей всегда помогал. Она залезла на корму танка, надела на командира эти вожжи и подняла его с сиденья на башню. Он еще стонал. И в это время в них попадает 88-мм снаряд. Его тело падает, и в руках у нее осталась голова и часть груди. Ее фактически тоже разорвало на две части. Это было страшно... Нужно было побороть страх, жажду жизни, на войне надо работать, воевать.

– **Как относились к женщинам на фронте?**

Отношения были нормальные, товарищеские. Их уважали. Если она с кем-то живет, все, это его. И любили, и влюблялись. Женщины в большинстве старались поскорее забеременеть и вернуться домой. А сколько браков было?! Они регистрировались приказом командира бригады.

– **Вши были?**

Это ужас! Идешь на перевязку. С тебя снимают гимнастерку, бинты белоснежные, а под ними ползают эти «броненосцы». Стыдобища! Как только фронт, боевые действия – так сразу появляются вши. Что только не делали: и вошебойки, и полную замену обмундирования – все равно через день опять они появляются. Мы так решили, что у человека в состоянии напряжения, страха появляется особый запах пота, который притягивает вшей.

– Как кормили на фронте?

Когда как, но вообще нормально: каша, суп, борщ, колбасу, 100 грамм давали не только зимой, но и летом, а в госпитале давали вино.

– Как вас ранило под Яссами?

Открывал люк, и осколки попали в руки. Вообще, я везучий до невозможности, должен был десятки раз умереть.

Как-то бригада стояла в районе красивого села Михайловка. Я тогда как раз пять танков в бригаду привел, их на боевые позиции расставили, командир бригады меня увидел, говорит:

– Виктор, сынок, – он меня всегда так называл, хотя всего на 10 лет меня старше, – сынок, бери мотоцикл, дуй в тылы, немедленно нужны горючее и боеприпасы, все кончается.

Я только к мотоциклу, а зампотех батальона, мой непосредственный начальник, говорит:

– Виктора нельзя посылать. У него в роте шесть танков, пусть он их ремонтирует, а поедет Бобров – у них всего два танка. Виктор принимает два танка Боброва, а тот пусть едет.

Он отъехал километр от деревни, как налетели «мессера», его ранило в спину и в затылок, когда он отбегал от мотоцикла, и он ослеп. Мне говорят:

– Бери санитарную машину, отвези Боброва в медсанбат, а потом привезешь горючее и боеприпасы.

Я его везу, он очнулся, говорит:

– Где я? Что со мной? Почему я ничего не вижу?

Я ему соврал:

– Сева, ты перевязан, ранен в голову.

Довез его, сдал, организовал горючее и боеприпасы. Я же должен был быть на его месте! Он потом застрелился, не выдержал... Когда мне об этом сообщили, я закрыл глаза и подумал: «Что бы я сделал в такой ситуации?» Наверное, то же самое... Быть в вечной темноте, не видеть солнца, людей – это страшно.

Куревин Петр Васильевич

(Интервью Артема Драбкина)

В апреле 1941 года я был призван военкоматом и направлен учиться в Казанское танковое училище, которое только-только стало танковым. В июне выехали в лагерь, который находился в деревне Бориска, недалеко от Казани. 22 июня я был в наряде. Неожиданно нам дали команду – собраться в столовой. Собрались. Нам объявили, что началась война. Тут же провели митинг, на котором выступили начальник училища и комиссар. Надо сказать, что у нас была твердая уверенность в том, что мы быстро разобьем немцев. Но прошло десять дней, и Сталин выступил со своим обращением. У нас был курсант Шульман, из поволжских немцев, примерно через неделю после начала войны его отозвали из училища. По радио стали передавать тревожные сводки. Тут мы поняли, что все не так просто.

Обучение поначалу шло на танкетках Т-27. Там экипаж состоял из двух человек, а вооружена она была пулеметом. Помню, что очень тяжело поднималась крыша. Команды все отдавались флажками – радио не было. С конца 1941 года мы приступили к изучению иностранных танков, которые с ноября начали поступать по ленд-лизу. Сперва это были английские «Валентайн» и «Матильда», потом американские М3Л, «Генерал Ли», М3С. Учеба больше проходила в классе, на тренажерах. Разбирали и собирали пушку и пулемет, изучали, как обслуживать двигатель, ходовую часть, отрабатывали натяжение гусеницы. После Т-27 пересели на Т-26. Их заводить было тяжело. На рукоятку надевали длинную трубу, которую называли «взводный стартер». Командир становился у конца трубы, а остальные брались двумя руками и по команде начинали крутить. Учили нас на старых танках – ленд-лизские берегли. Даже в Горьком, когда сформировали наш полк, нас вывезли на полигон и дали три штатных снаряда. Все! Вся подготовка!

Тем не менее преподаватели были просто замечательные. Они к нам в училище пришли из инженерных вузов – были высококлассными специалистами, которые очень хорошо готовились к занятиям. Такую дисциплину, как военная топография, в училище преподавал полковник Привалов, который был преподавателем еще в школе прапорщиков в царской армии. Очень строгий! Учить начал с того, как правильно точить карандаш. Командиры взводов были с опытом войны в Испании. Так что о своих преподавателях, командирах взводов, командирах рот могу сказать только хорошее. Добросовестные люди были.

– На фронт их не отправляли?

Шла ротация. Многие из них писали рапорта на фронт. У нас командир взвода был семейный – жена, двое детей. Он прибыл к нам из Саратовского танкового училища. Все пытался попасть на фронт, хотя жена плакала, умоляла, чтобы он остался. Да и мы ему говорили: «Куда ты? Детей на кого оставишь?» Когда я уехал, он еще оставался в училище. Я его встретил после войны, уже будучи подполковником, а он так и остался старшим лейтенантом, потом получил звание капитана. Бывает и так...

– Горючее было все время?

Наверное, проблем не было. Если бы даже были – нам бы не сказали. Абсолютно. В этом отношении строго было.

– Какое настроение было у курсантов в 41-м году?

Настроение было всяким, но открыто высказывать сомнения или опасения люди боялись. Панического настроения не было и быть среди курсантов не могло – возраст. Когда наступать начали, то тут стало получше. Помню, у моего близкого товарища Саморукова Вадима освободили родной город Ростов. Мы так радовались!

– На фронт рвались?

Рвались. Во-первых, снимались многие проблемы: тебе давали хорошее обмундирование, кормили здорово, одевали, обували. Так что рвались. Зима 41/42-го выдалась тяжелая, холодная, морозная. Есть всегда хотелось, хотя курсантская норма была привилегированная. Конечно, не такая, как в действующей армии, но и не тыловая. Надо сказать, что страна была не подготовлена к таким испытаниям. Помню, весной 42-го года пошла рыба. Мы ходили на Казанку, ловили оставшуюся после разлива рыбу, бросали ее прямо в противогазные сумки.

– То, что Красная Армия несет большие потери, знали?

Среди своих – знали. А так никакой информации не было.

Выпуск из училища проводился по мере прибытия караванов, которые шли в Архангельск, Мурманск или Иран. Проходил он следующим образом – пришел караван, танки выгрузили, скомплектовали полк. Командующий бронетанковыми и механизированными войсками, генерал Федоренко, звонит начальнику училища: «Нужно столько-то командиров танков, младших лейтенантов, столько-то командиров взводов». Начальник училища вместе с начальником строевого отдела и командирами батальонов отбирают лучших и направляют в полк.

Таким образом, в сентябре 1942 года я, в числе первых из своего набора, был направлен в 252-й танковый полк 2-й механизированной бригады, который формировался в Горьком. Полк был ротного состава: 4 роты по семь танков и два танка командования – всего 30 танков. После формирования мы попали на Брянский фронт, где до ноября 1942 года находились в резерве. В ноябре получили команду на погрузку и отправились в район Сталинграда. К нашему прибытию там уже началось контрнаступление. Выгрузились на правом берегу Волги, севернее Сталинграда. Оказалось, что наши «Валентаины» и «Матильды» не приспособлены к передвижению по замерзшей земле – пробуксовывают. Механики быстро придумали, как с этим бороться, – к танкам подъезжали летучки и электросваркой приварили к гусеницам костыли.

Надо сказать, что командование не ждало, когда сосредоточится весь наш полк. В это время Манштейн пошел на деблокаду окруженных в Сталинграде. Так что скомпоновали сборную роту – и в бой.

– Свой первый бой помните?

Да. Под Суровейкино. Что можно рассказать? Во-первых, прячешься, сломя голову не идешь. Ты можешь идти сломя голову при прорыве, когда тебя развернули, когда пошла линия. А тут были элементы встречного боя. Разрозненная наша группировка встретила с разрозненной группировкой противника. И каждая группировка пытается перехитрить другую, где-то спрятаться. Но нам-то как: прячься-прячься, но имей в виду, что за тобой следят. Если ты долго прячешься, тебя заставят идти. Смотри и выбирай место, с которого можно вести огонь. Люки, когда идешь в бой, особенно при прорыве, закрыты. А при таких манев-

рах тут уже открываешь, смотришь, чтобы не провалиться в яму. Провалишься, а потом тебя будут вытаскивать через СМЕРШ. Скажут: «Ах ты, сволочь, ты сам полез в эту самую яму!»

Командиром роты был у нас лейтенант Савченко – хороший, толковый парень. Он уже повоевал, и мы ему доверяли. Вскоре его ранило, и больше мы его не видели. Помню первого замполита Иннокентия Воробьева с монголоидными чертами лица, откуда-то из-под Иркутска, которого мы все называли Кеша. Мы-то были пацанами, а он с 18-го года, лет на пять старше. Нам он уже казался дедом. Он в танк не садился, у него танка не было. А Савченко в танке воевал.

Я скажу свое мнение. Я не верю тем, кто начинает рассказывать все до мельчайших подробностей, хотя, может быть, и есть такие люди, кто все помнит, но через 60 лет все события помнятся как в тумане, и ты уже начинаешь воспроизводить то, что в тебя вошло после, начинаешь приукрашивать. Не хочется рассказывать, что ты трусил, что ты боялся, что тебя поставят к стенке. А ведь было разное... В танках были спиртовые компасы. В них – два литра спирта. Ну и пропадать начал, конечно... Контрразведчики сразу подняли шум, и многие дельцы за это поплатились.

Дошли до железной дороги, которая шла через Обливскую, Морозовскую и далее на Тацинскую и к Ростову. Провоевали мы, значит, до февраля. В этих боях мой танк был подбит. Снаряд попал в борт, сбил гусеницу. Мы встали, и немцы постарались нас добить. В танк попало еще два или три снаряда. Один пробил броню, но в этот раз все спаслись.

В марте сосредоточились на станции Гусинка, откуда нас направили на переформирование. Тогда делали как? В бригаде остается танков на роту – их в одну роту и сводят. Эта рота остается на фронте, а бригада отправляется на переформирование.

Переформирование нашей бригады происходило в Тамбовской области, недалеко от Мичуринска, станция Хоботово. Там был центр формирования соединений на иностранной технике. Формировались до июня, после чего нас направили на Западный фронт.

– Вы были в резерве командующего Западным фронтом. Что делает танковая часть в резерве? Чем занимались?

Роют окопы для танка, для себя. Землянки, если есть лес, строят. Занимались боевой подготовкой, стрелять учились. Осваивали новое вооружение. Мины изучали.

Зампотех роты Люлька, такой хороший парень был, подорвался на немецкой мине – не знал, как ее разрядить, а взялся, чтобы храбрость показать. Так что спать там не дают. У нас был заместитель командира полка Селиванов. Он нам казался стариком – ему было лет сорок. Он тогда говорил: «Имейте в виду, главная задача в обороне – чтобы люди были сыты и чтобы не спали. Ни минуты лишнего сна! Встал – и начинай что-то делать. Солдат стройте почаше, чтобы они знали, что за ними смотрят, следят!»

Западный фронт перешел в наступление с задачей выйти к Днепру. Ничего не получилось.

В сентябре нас опять отправили на переформирование, на этот раз в Московскую область, в район Наро-Фоминска. Штаб корпуса был в Наро-Фоминске, а мы – в лесу между Кубинкой и Наро-Фоминском.

В декабре мы вошли в состав 6-й танковой армии и с ней попали в самое пекло под Корсунь-Шевченковским.

Наш корпус участвовал в Уманско-Баташанской операции, и в районе Могилев-Подольска мы вышли к Днестру, форсировали его и вышли на старую государственную границу. Это считается одним из первых выходов на государственную границу во время Великой Отечественной войны.

Сперва продвигались неплохо, но, когда подошли к реке Прут, остановились и стояли там практически всю весну и все лето. Мы готовились к наступлению, пополнялись как

людьми, так и техникой. Надо сказать, что в 1944 году к нам стали поступать американские танки «Шерман». Это, я считаю, лучший американский танк, который принимал участие в войне. У него и двигатель хороший, и броня хорошая, и оружие хорошее.

После Яско-Кишиневской операции много молодых ребят типа меня отправили на учебу. Часть попала в академию, в 1944 году туда был набор обстрелянных офицеров. Они выпустились в 1947 году. А я попал в Нефтяной институт имени Губкина – требовались специалисты по горюче-смазочным материалам, и, поскольку я кое-что соображал в математике, меня направили туда, хотя я не хотел – там кормили плохо, по тыловой норме. Мы с еще некоторыми ребятами хотели оттуда поскорей уехать, и это нам удалось – где-то в начале сентября я смог вырваться из института и попал в 9-й гвардейский танковый корпус 2-й танковой армии, в которой уже и заканчивал войну.

В январе 1945 года началось наступление. Наша армия обошла с северо-запада Варшаву. В конце января я был тяжело ранен. Мы остановились ночью сориентироваться, и в этот момент фаустник засадил нам под башню в район боеукладки. Хорошо, что она не взорвалась. Это было мое второе ранение. Первый раз меня ранило под Сталинградом. Тогда мы находились рядом с танком в состоянии ожидания перед атакой. Самолеты тогда нас здорово душили. При налете попал осколок. Я тогда не так-то долго, примерно 6 недель, был на излечении. А тут почти два месяца лечился. Только в апреле выписали, и я снова вернулся в свой 9-й корпус. Войну закончил на окраине Берлина. Вот так, если вкратце. Ничего я вам, никаких боевых эпизодов рассказывать не буду. Уже много есть сказок, которые вы слышали.

– Экипаж в «Валентайне» четыре человека?

Четыре человека. А в «Шермане» пять: впереди механик-водитель и его помощник, он же пулеметчик, и три человека в башне. «Валентайн» – очень подвижная машина, с хорошим дизельным двигателем.

– В экипаже какая низшая должность?

Заряжающий. Человек, который у всех на подхвате.

– «Валентайны» требовали большого ухода?

Думаю, что нет. Они особого ухода не требовали, лишь бы были заправлены горючим и маслом. Двигатель GMC – двухтактный, хороший, даже прекрасный двигатель. Нет, они не требовали большого ухода.

– Вам приходилось сталкиваться с немецкими танками?

Приходилось. Мы очень боялись немецких танков – пушка и прицел у них были хорошие. На моих глазах немцы сожгли два танка с расстояния в полтора километра. Если мы сталкивались с немецкими танками, то старались в бой не ввязываться, отходить задом. Но все это зависело от командира, от командира роты, от командира полка.

– Если говорить о «Валентайнах», у них хорошие переговорные устройства, рация?

Радиостанция у них хорошая была, ничего не скажешь. Она работала на фиксированных частотах неплохо. Радиостанция называлась у нас – 9РС, а у них, я уже забыл сейчас, цифра была 19. Мы горя с ней не знали. Переговорные устройства в танке тоже были неплохие, но управляли больше руками и ногами: нажал на плечо механику – поворачивай, на спину – стой.

– Какие-то лимиты по расходу снарядов были?

Нет. Пользовались тем, что входило в боекомплект. Порядка 30–40 снарядов. Броневых брали меньше, осколочных – побольше.

– Вас использовали как танки непосредственной поддержки пехоты или все-таки как танки прорыва?

Как непосредственная поддержка пехоты. Бригада была механизированная. Пехоты много. Всегда было тесное взаимодействие – они нас вперед гонят, мы их вперед.

– Десантники на броне были?

Были. Тяжелая судьба у этих людей.

– В первом бою против кого вы действовали?

У немцев пехота впереди не шла. Впереди шли танки, бронетранспортеры, отдельные артиллерийские установки. Пехота была, но редко.

– Удалось кого-то подбить?

Не знаю. Стрелять стреляли, но подбили ли кого – не знаю.

– Было такое, что запрещали покидать танк, пока он не сгорел?

Нет. Вы понимаете – это все разговоры. Мол, спрашивают: «Почему ты не сгорел?!» У нас таких командиров не было. Может быть, мне везло на командиров... Когда загорается танк, то мгновенно начинают рваться снаряды. Успеешь выпрыгнуть – хорошо. Нет...

– Танк подбили, надо сразу выпрыгивать? Или, если он не горит, можно остаться?

Не только можно, но и нужно остаться. Если башня крутится – стреляй.

– У вас в полку были тягачи или танками оттягивали?

Были тягачи на базе трактора С-80, но, во-первых, их редко поставляли, во-вторых – они против танка слабы. Так что чаще использовали танки, хотя это было запрещено. Позднее появились тягачи на базе танка Т-34.

– Первого увиденного немца помните?

Первого немца мы увидели под Сталинградом. Мы даже не поняли, немцы это или румыны. Они шли пешком. Многие были обуты в тряпки, портянки.

– Вы в чем воевали? Были полушубки или ленд-лизовские костюмы?

Ленд-лизовские костюмы – меховые куртки и штаны – давали только старшим офицерам. Нам давали комбинезоны. Если повезет, то меховой трофейный или американский. А так – в телогрейках. Были меховые жилетки. Надеваешь ее, сверху комбинезон – вроде тепло. Ну, а если на жалюзи лечь да брезентом накрыться – совсем хорошо! Мы получали своеобразные шинели, которые мы называли «из английского сукна». Сапоги старались заполучить у немцев – очень хорошие, с металлическими шипами на подошве. Они воду держали отлично.

– Мылись, стирались?

Иногда. В основном на формировке приводили себя в порядок. Я тогда даже не брился – что было брить? Пушок! Хотя, когда я уходил в армию, отец дал мне бритву «Золинген», оставшуюся у него еще с Первой мировой войны. Умываться-то умывались – самому непри-

ятно, когда ты не умыт. Бани в бригаде появились позднее, начиная с 43-го года, а в 42-м году – только когда отводили в пределах армейской фронтовой полосы.

– Вши были?

Были. Особенно зимой 43/44-го года, когда мы наступали не останавливаясь, шли вперед. Подзащивели. Когда дошли до Могилева-Подольского – там уже привели себя в порядок, там баня была. В Могилеве-Подольском в квартирах даже ванны работали. И уже с весны 44-го года мы были чистыми.

– Боевые 100 грамм давали?

Когда воюешь, то давали, но я не пил до 45-го года. Когда в тылу находишься, то не давали.

– Как спали в боевых действиях, в танке или рядом?

В зависимости от времени года. В большинстве своем на жалюзях, под брезентом. Но один член экипажа все время должен дежурить. В 42-м году спали под танком. Вырывали под танком норку, ставили печку... особо не уснешь, но спать спали. Может быть, потому что молодые были, энергия была, сила.

– Была взаимозаменяемость в экипаже?

Жизнь заставляла. Командир танка должен был всегда уметь сесть за рычаги управления, вести машину, когда ранен или погиб механик. Я за рычаги садился только один раз на короткое время. Механик сказал: «Командир, не могу больше рычагами работать». Тяжелая все же работа за рычагами сидеть – и ноги работают, и руки. Тут я его просто подменил.

– Другие члены экипажа умели что-то делать смежное?

Да. В башне находятся три человека. Командир танка, командир башни или наводчик и заряжающий.

– Как вам «Шерман»?

Нормально. Для равнинной местности хорошие машины. Они уступали по огневой мощи нашим Т-34. И по ремонтпригодности тоже уступали. Наши могли, как говорят, экипажем с помощью батальонной летучки в полевых условиях «выбросить движок», «выбросить коробку». Импортная техника не была к этому приспособлена. Ремонт – так уж ремонт.

– Какие взаимоотношения были между воюющими на иностранных танках и на наших?

Они хвастались, и мы хвастались. У нас был хороший брезент, приспособление для разогрева хлеба – такая печечка спиртовая, на которой можно было разрубленную попалам булку разогреть. Это очень важно зимой, когда привозят мороженный хлеб. Его и не разгрызешь! Или кашу привезли холодную, можно было ее разогреть. Отдельный движок был для работы радиостанции – не надо было гонять основной двигатель. Начиная с танка командира роты, стояла мощная хорошая радиостанция. В «Шермане» было просторно. Три человека, которые были в башне, они находились в привилегированном положении. Самое тяжелое место было у радиста – там такой закуток неудобный.

– Зенитный пулемет стоял на «Шермане»?

Стояли зенитные пулеметы «Брен». Их вообще во время войны очень мало использовали. Почему? Мы были убеждены, что нас и так надежно прикрывают. Мы их чаще по наземным целям использовали.

– Вас вооружали импортным оружием?

Да, конечно. Экипаж вооружался никуда не годными автоматами Томпсона. Сначала у командира был револьвер «наган», потом всех вооружили пистолетами ТТ. Сами пытались заменить его на «парабеллум», но нас за это гоняли. Тыловым товарищам, им подавай «парабеллум». Поэтому прицеплялись: «Ты покажи, где находится твой ТТ? Что ты ходишь с этой немецкой игрушкой? А ну давай ее сюда!» Старались отнять.

– Кормили хорошо?

На фронте – хорошо. Но всякое бывало, особенно в 44-м году, когда пошли наступать после Корсунь-Шевченковской операции. Грязища была страшная! Пехота несла на себе снаряды для орудий. Пехотинцу дают снаряд, который он должен сдать. Если выкинет по дороге – накажут. Вот там кухни отстали. Потом приспособились – стали кухню цеплять за танк. Так что перебои были только из-за нераспорядительности старшины или помощника по хозяйственной части.

– Основная ваша цель? Огневые точки противника или бронированные объекты?

Огневые точки противника, противотанковая артиллерия. Но и борьба с бронетехникой противника тоже. Я сам танки не подбивал, не буду хвастать, только бронетранспортеры.

– Вы были сначала командиром танка, а потом командиром взвода, как вы оцениваете связь между танками?

Хреновая связь между танками была. Флажками. Иностранные танки были радиофицированы, но, честно говоря, мы плохо владели средствами связи.

– В атаке люки открыты или закрыты?

На марше люки все время открыты, закрывали на защелку только непосредственно перед атакой. Открывается она легко.

– На танках рисовали?

Только тактические знаки. У нас был квадрат и в верхней части стрелка, направленная вверх. Надписей и картинок не делали. Зимой танки красили в белый цвет известкой.

– В городе приходилось воевать?

Да, приходилось. Особенность боев в городе в том, что тебя могут подбить с любого места. Особенно сложно стало, когда немцы стали широко применять фаустпатроны. Мы уже в 43-м году познакомились с фаустниками, а в 45-м они стали их использовать массово. Часто фаустниками были ребяташки.

– Как относились к немцам? Как к противнику?

Как к врагу. На поле боя никто не думает, что там люди, что их можно убить. Стреляют, чтобы уничтожить врага, победить, иначе сам будешь убит.

Немцы хорошо воевали. Они нас научили воевать. Когда нос в крови, учеба хорошо идет.

Я должен сказать, издевательств над пленными или гражданскими среди нас не было. Вот кого не любили – это власовцев. Их били и сдавали в СМЕРШ.

– Женщины были в бригаде?

Были связистки, ремонтницы средств связи. Также они были в батальонном медицинском пункте, в полковом медицинском пункте, в медсанбате дивизии и корпуса. В экипажах очень редко. Отношение было нормальное. Большинство из них вели себя достойно. Но, конечно, люди разные бывают. Много ходило слухов про ППЖ, что, мол, они такие-сякие. Но если женщина ведет себя достойно, то к ней никто не будет и лезть. Ну разве что на формировке – когда делать нечего, а на фронте – там уже некогда.

– Как проводили свободное время, если оно возникало? Были танцы?

В армии не должно быть свободного времени. Танцы были на переформировке, в тылу. У немцев брали губные гармошки, и находились ребята, которые хорошо на них играли. Были и такие, которые могли хорошо сплясать. Приезжали фронтовые самодеятельные бригады. А вот кино редко смотрели.

– Вместе с танками приходили посылки из Америки?

Если только случайно. Мне как-то попались хорошие английские ботинки. Хороший с танками брезент приходил. Мы из него шили себе сапоги. Кремом начистишь – во! Вы же понимаете, что мы получали танки уже после того, как их выгрузят в Архангельске. Разумеется, портовики там все обшарят и ничего не оставят.

– В Польше как народ встречал?

Кто там встречал? Никто. Мы стояли на формировке в местечке Сточек. Местные здорово торговали самогоном. Кроме того, топили нам баню, мы туда ходили поротно мыться.

– Говорят, на территории Польши процветала проституция?

Нам было не до этого. И потом, куда уйдешь от танка?

– Что вы можете сказать о госпитале?

В 45-м году в госпиталях работали люди, которые прошли большую школу. Все было очень хорошо организовано. О чем шли разговоры между ранеными? Всякие разговоры: кто где воевал, в каком госпитале лежал. Со мной в госпитале в Лодзе лежал Тильман, еврей. Он ударился в религию. Ему принесли Ветхий Завет. Меня спрашивает:

– Ты читал?

– Я даже не знал, что такая книга есть!

– Хочешь – почитай.

Я когда стал читать, думаю: «Боже мой – скукотища!»

О девках говорили. Те, кто постарше, кто учился в институтах, говорили, как вернуться домой, продолжают учебу. Мы думали: «Закончится война, пойдем учиться». Об этом мечтали.

Алексеев Владимир Андреевич

(Интервью Артема Чунихина)

Родился я в Астрахани в 1923 году. Семья моя жила на берегу Каспийского моря в селе Вахромеево. Но когда мои братья и сестры четыре класса окончили в селе, а дальше нигде учиться, то родители приняли решение переехать в город, чтобы дети могли продолжить обучение. Тут и я родился.

В 41-м году, перед войной, я успел окончить 9 классов астраханской средней школы. Когда война началась, мы в военкомат побежали сами, нас никто не звал. 22 июня я хорошо запомнил.

Летом молодежь ехала помогать колхозам и совхозам убирать урожай. Мы уже были в одном из колхозов, когда объявили, что началась война, что бомбили наши города. Нас немедленно возвратили домой, и мы начали осаждать военкомат: берите нас! А в то время много возрастов призывалось, и военкоматы, конечно, были загружены страшно. Где-то дня два-три нам говорили: «Обождите, ребята, не путайтесь под ногами, не до вас».

Старший брат у меня служил во флоте на Дальнем Востоке. Я тоже хотел во флот и решил проситься в училище корабельных инженеров. Говорю в военкомате: «Отправьте меня в Кораблестроительный институт в Николаеве. Я хочу туда, где брат мой». Но мне ответили: «С кораблями у нас все нормально, нам нужны танкисты». Вот так я попал в Сызранское танковое училище. В мирное время обучение продолжалось два года, а нас, после так называемого ускоренного курса, выпустили через год и два месяца. Конечно, очень плотная программа и давала нам, как говорится, по мозгам крепко – учили матчасть, было и вождение, и стрельбы.

В основном изучали Т-70. Это легкий танк с 45-мм пушкой и пулеметом. Экипаж два человека: водитель и командир танка. Два газовских, стоящих последовательно, двигателя.

– В училище с ребятами обсуждали поражения 1941–1942 годов?

Видишь, в чем дело. Если говорить не лично о себе, а о том окружении, в котором я был еще до училища, то тут так. Мы же пацанами ушли и в училище пацанами попали. Конечно, всего обмозговать мы еще не могли в силу того, что маленькие были, глупенькие. Конечно, были всякие... продажные... и другие... но вот в той среде, где я жил и учился, верили, что все-таки как бы там ни было, а победа будет за нами. Просто тогда в Сталина мы очень здорово верили, а он сказал, что будет и на нашей улице праздник. Мужик-то крутой был и не считался ни с чем. Дисциплина была крепкая. Она, конечно, насаждалась сверху жестко. Ну и агитация, пропаганда была мощная. Так что верили...

В августе 1942-го нас выпустили и отправили на завод в Горький, где танки делали. Мы вместе с рабочими собирали танки. Пробыли мы на заводе, наверное, недели три. Потом сформировали маршевый батальон. Тогда командиров выпускали училища, а механи-

ков-водителей и радистов готовили так называемые учебные полки, заряжающих, как правило, не учили. Ну чему там учить? Ему показали снаряды, какой бронебойный, какой осколочный. Это любой сообразить-то может. Когда подают команду «Заряжай!», там операции простые – тут открой, тут закрой. Поэтому строят пехоту. Физически крепких.

– Вот ты – выйти из строя, ты – выйти из строя! Как ты смотришь, если мы тебя возьмем в танковую часть?

– А че я там буду делать?

– Заряжать. Заряжающим.

– Ну, пойду. Расскажите только, куда чего совать.

Прямо на заводе формировался маршевый батальон, в нем распределялись по экипажам, получали танки, пристреливали оружие на полигоне, водили немножечко – и на фронт.

Нас где-то числа 25 августа, я уж точно не помню, погрузили на эшелон. Куда, чего? Нам же не говорят... Начальство там, может, что-то и знает, а мы-то ничего не знаем. Какие мы тогда еще начальники были? Пацаны совсем! Слух ходил, что якобы наш эшелон в Иран направляют. Ну, в общем, никакого Ирана не получилось. До Качалино доехали и разгрузились. Сталинградский фронт!

Попали мы в 7-й танковый корпус, 87-я танковая бригада. Командовал этой бригадой Василий Иванович Егоров. В то время – подполковник. Корпус наш состоял из трех танковых бригад. Была 3-я гвардейская танковая бригада тяжелых танков. 62-я бригада средних танков – Т-34 там были и легких немного. А наша 87-я – она из легких танков состояла. Ну а я принял танковый взвод на Т-70.

Ты же, конечно, помнишь, что Паулюс прорвался к Сталинграду в августе. Они форсировали Дон в районе Вертячьего и Песковатки и рванули на Волгу, на Рынок. Начались бои за город.

Нам была поставлена задача атаковать с рубежа Степной – Самофаловка – Котлубань. 1-я гвардейская армия и наш корпус должны были через Котлубань, Конный разъезд – выйти к Гумраку, где соединиться с 62-й армией.

Выполнить эту задачу нам, прямо сказать надо, не удалось. Почему? Главная наша беда заключалась в том, что у нас почти не было авиации. Вот в этот период я на фронте своих самолетов почти не видел, а немцы висели над нашими головами постоянно. Хозяничали как хотели. Как только рассвет, так начинают – вот они прут, самолеты! Партиями и по двадцать, и по тридцать штук. Из люка смотришь, как только первый на крыло свалился, я на глаз уже мог определить, что это наши или не наши. Если наши, тут же говорю:

– О... ребята... газу!

Мы-то еще броней хоть как-то от пулеметов и осколков защищены. А вот пехота бедная! В корпусе была мотострелковая бригада, бойцы которой придавалась нашим бригадам как десант. На танк обычно садилось отделение, человек десять. Командир отделения подчинялся командиру танка.

Трижды мы пытались атаковать, и безрезультатно. За 3–4 дня продвинулись на 2,5–3 километра. Бои были исключительно тяжелые. Пехота гибнет. С каждым днем все меньше и меньше становится людей, да и танков тоже. Причем немцы, они же не дураки: и воевать их учили, и летчики их знают, что лобовая броня и башня у любого танка мощнее, чем задняя или бортовая. Поэтому Ю-87 главным образом стремились заходить сзади. Норовили в люк трансмиссионный попасть. А попасть из двух пушек не так уж и трудно по танку. Тем более зениток у нас нет, ему никто не мешает. Так они чуть ли не башню колесами доставали! А что? Пробил броню и – фух! – факел. Таким образом, танки горели, и очень много. Потери от противотанковой артиллерии были, но не такие большие.

Ну, немцы, конечно, никакими бутылками не бросали в нас – у них их совсем не было. Противотанковые гранаты – как у нас солдаты чуть ли не под танк лезли, чтобы их бро-

силь, но это средство очень неэффективное. Это не только психологически, это и физически невозможно. Ведь что такое наша противотанковая граната? Это два килограмма. Ее мужик крепкий самое далекое мог бросить метров на 18–20. А взрыв у нее какой? Большинство гибло от взрыва своей же гранаты. Вот если танк через окоп проехал, тогда ему на трансмиссию ее бросить можно. Ну так в танке тоже не дураки сидят. Танк норовит крутануть, чтобы тебя в окопе задавить.

К октябрю продвинулись еще километра на два. Дальше не пускают. Противотанковая артиллерия стоит на обратных скатах высот, и только танк покажется на гребне, как его расстреливают. Очень много потерь было.

2 октября мне исполнилось 19 лет. Я, кстати сказать, и забыл, что это день рождения. Потом только опомнился. Ну, опомнился, а что дальше-то?! Ничего.

До Конного разъезда мы дошли, и все – у нас уже и танков почти не осталось, а мотострелковая бригада почти вся полегла. Из моего взвода сгорел только один танк вместе с экипажем. Командиром на нем был Витка Рипринцев. Мы в училище вместе с ним были. Погиб. Механик тоже погиб. Если говорить об этом, то, конечно, много людей погибло. Боев не бывает без жертв, но, конечно, при умелом руководстве их могло бы быть и меньше. А что сделаешь – к тому времени мы еще и воевать-то как следует не научились.

Ну что... задачу прорваться к Чуйкову мы не осилили, но помочь мы здорово помогли (это теперь, в зрелом возрасте, я так рассуждаю). Я так думаю, что задача была поставлена так: «Прорвитесь к Чуйкову. Войдите в город, и корпус будет воевать в самом Сталинграде в подчинении Чуйкова. Ну, а коль скоро этого у вас не получится, то вы хотя бы оттянете на себя часть сил Паулюса и тем самым дадите возможность переправиться с левого берега дивизиям». Вот с этой задачей мы справились. Помогли Чуйкову отстоять город, потому что немцам пришлось большое количество сил отрывать на отражение наших атак.

– Как с радио в танках было в 1942-м?

В 1942-м никакого радио на линейных танках не было. Хорошо, если у командира батальона рация была для связи с комбригом. Радиостанции стали у нас ставить на танки после Сталинградских боев, перед Курской битвой. Тогда у командира роты, у взводных уже стояли рации. На командирские танки ставили рации 10РТ. Хорошие кварцевые радиостанции. Кварц ставился в гнездо на определенную частоту и на двух винтах закреплялся. То есть в бою настройка не соскочит.

– Мат в эфире был в бою?

Ну куда ты денешь нашего мужика русского? И начальники матюкались почище нашего брата. Взять командира бригады или командира батальона. Ведь на нем ответственность, он за всех отвечает, и он видит: какой-то танк что-то мудрит – не туда повернул, ну и...

Нас вывели из боя где-то 18 октября. Остатки корпуса отвели на железнодорожную станцию Качалино. Погрузили и повезли под Саратов, в Татищево. До начала декабря месяца пополнялись людьми, техникой. Получил во взвод еще один Т-70, а потом поехали обратно – погрузились в Татищево в эшелон – и на знакомую станцию Качалино. Тут мы поступили в 5-ю ударную армию, под командование генерал-лейтенанта Попова. К этому времени уже наши окружили Паулюса. Наступили морозы – сопли потекли у немцев. Не зря же эти соломенные лапти они носили и на себя любую тряпку тащили. Конечно, им было очень кисло!

Переправились мы через Дон южнее Калача. Нашему корпусу была поставлена задача ликвидировать плацдарм у Нижнего Чира. 12-го числа мы в ночь переправились и вышли на исходные позиции. Утром 13 декабря рванули вперед. Для немцев это было совершенно неожиданно. У них оборона там была хорошая, капитальная. Прямо надо сказать, они устраивались не так, как мы, – у них обязательно в блиндажах чугунные печки. Ночью, несмотря

на морозы, хорошо отдыхать. В траншеях оставались только дежурные, которые периодически пускали ракеты – освещали, чтобы не подползли.

Ротмистров, командир корпуса нашего, этому Попову, командующему 5-й армией, предложил: «Мы что делаем? Мы, по сути, немцев будим. Они выбегают, занимают свои места у пулеметов и противотанковых орудий, и ничего не получается. Несколько раз пробовали, а ведь ничего ж у вас не получилось? Давайте так. Вот эрэсы плюнут, за ними откроет огонь артиллерия, и в это же время двинутся танки». Немцы еще, по сути дела, не успели штаны надеть, а мы уже рядом.

Я помню туманный рассвет. Зима. Декабрь месяц. Вывел нас ротный, а в тумане ни черта не видно, только шапка высотки впереди видна поверх тумана: «Вот, видите эту высотку? На нее и пойдем». Между прочим, у Чира, так же как и всех наших рек, правый берег высокий, а левый низкий, луговой. И весь он изрезан оврагами. Мы двинулись. Ну и на ходу лупим, хотя еще никого не видим.

Командир роты левее меня идет. Люк закрыт. Я в перископ поглядываю, чтобы не сбиться, – не видно ни черта. В прицел я и не смотрю.

Вдруг... Шарах-тарах-бабах – в танке все загремело. Ну, думаю, все – поймали болванку. Навоевались! Потом какое-то время проходит... Это рассказывать долго, а там секунды. Двигатель работает! Механик молчит. Что случилось? И вроде танк не загорелся ни хрена... Я открываю люк, смотрю, а уже никого и не видно. И где я, чего я? Непонятно. Вылез. Елки зеленые! Мы попали в промоину. Причем она как раз по длине танка. Уперлись лбом в одну стенку, а сзади в другую. Танк, по сути дела, спрятался там, и ни туда и ни сюда. Механик тоже опешил, не поймет, что произошло. У меня был механик, мариец по национальности. Вот знаешь бывают белые кролики, альбиносы? У них вечером глаза красные делаются. Так и у него было. Пацан – это его первый бой был. Он в Татищево пришел к нам с пополнением.

Гусеницы скребут мерзлую землю, а танк-то не движется. Я кричу ему: «Заглуши мотор!» Он заглушил, но команду вылезать я ему не дал. Вдруг смотрю – по этой промоине к моему танку бежит ротный со своим механиком. Подбегает запыхавшись: «Немцы по оврагу идут». Они сразу раз, за мой танк забежали, и я к ним. И мы трое с этой стороны танка.

Оказалось, что они тоже в эту промоину попали. Но там она была и не такая глубокая, и пошире. И у них возможность была наискосок из нее вылезти. Только они поднялись, а им шарах снаряд, и танк фыкнул.

Они выскочили оба, а немцы недалеко от них. Они ко мне рванули. Танк ротного немножечко горит. Немцы, двенадцать человек, заскочили в промоину. Увидели второй танк – немного опешили: у них-то только автоматы. Больше у них ничего нету. Стушевались, а потом смотрят – люк-то открытый! Они поняли, что в башне никого нет, а мы за танком, и осмелели. Давай из автоматов по танку лупить. А у нас что? У ротного пистолет, и у меня пистолет. А у механиков вообще ничего нет.

Обстановка такая, что тут что-то надо предпринимать, иначе оставишь здесь башку свою. Я так подумал: «Что остается немцам? Ну, бьют они из автоматов по танку. А что ему? Пули отскакивают, да и все. Но они же долго этого делать не будут. У них прямой путь – вылезти наверх, обойти нас и – тра-та-та – как цыпят нас перестрелять».

Тогда принимаю решение – вылезаю на гусеницу, на борт танка. Хорошо, что, когда танк попал в промоину, пушка была немного провернута как раз в ту сторону, где сейчас были немцы. И открытый люк прикрыл меня. Рывком обеими ногами прыгаю в башню! Видимо, иголка, которая в заднице, была мощная! Ну, когда я попал в башню, думаю: «Ребят, теперь мы попыремся – кто кого». Начал выворачивать пушку на них. В прицел-то мне все видно хорошо, как на ладони.

Кинулись они наверх вылезать из промоины. А тут сугроб и татарник растет, как все равно рошица. Они тоже дурака сваяли – ринулись в этот сугроб, как по команде, кучей. Я смотрю в прицел – вот они. Ну, я осколочный снаряд загнал и в самую серединку этой кучи шарахнул, а потом уже из пулемета прошелся. Ну, все, говорю, ребята, извините, у меня другого выхода не было.

Вроде затихло все. Плацдарм мы уничтожили. Пришла пехота, помогла скрыть склон. Двумя танками мой вытащили. У нас передышечка небольшая, а жрать охота ужасно. Молодые. Кухня не всегда нас найдет. Другой раз по двое суток не жрамши приходилось быть. На морозе там этот их хлеб немецкий, который они еще с 37-го года готовили, замерзнет – его двухручной пилой пилим. Кусок в рот положишь, как все равно мороженое. Это сейчас смешно, а тогда не смешно было.

Подшли к этим немцам, начали у них документы собирать. Как потом уже разобрались – это оказался штаб того полка, который занимал этот плацдарм. Один был с сумкой с красным крестом, видимо, медицины какой-то работник. Черт его знает! Залез я в эту сумку, а там немецкая сайка хлеба и небольшая баночка паштета. С других танков ребята подошли. Человек восемь в куче сидим. Этот хлеб кое-как разломали и понемножечку этого паштета каждому намазали. Туман уже весь сел. День разгулялся. Солнышко светит. Мороз, конечно, но все равно хорошо, когда солнышко светит.

И вот он, гад один... Откуда он взялся? Не было же ни самолетов, ничего не было! Вдруг завопил оттуда! А у них же сирены включались. Ууу-аааа! Елки, вот он уже прет прямо на нас! Мы, конечно, врассыпную – кто куда успел. А я только из-под руки гляжу – а у него две штуки с крыльев сошли. Черненькие точки, и растут, растут, растут на глазах! Прямо на меня прет одна! Ну, думаю: «Все!» Лежу. Бомба, которая ближе ко мне, наверное, метрах в пятидесяти или, может быть, ста – не мерил я – разорвалась. Осколки надо мной все прошли. Видимо, за счет того, что я оказался вроде как пониже этой воронки. Земля промерзшая. Огромные ее шматки в воздух поднялись. Я из-под руки глянул, а здоровые куски мерзлой земли с неба летят. Думаю, в конце концов, есть Бог на свете или нет? Что вы надо мной издеваетесь? Бомбой не попали, теперь землей прибьет! Такая штука по башке врежет – в лепешку сразу. Ну, как говорится, меня опять Бог сберег. Мне кусок земли упал на левую ногу. Потом она сильно раздулась, но вскоре прошла.

Уже во второй половине дня мы вели бой за Верхнечирский. Орешек оказался крепкий. Там они каждый дом превратили в ДОТ. Мы приняли бой где-то под вечер, вели его всю ночь и следующий день.

Примерно 16-го числа поступила команда переправиться через Дон обратно, под Пятиизбянский. Переправлялись и пошли в район Ляпичево. Приказано было в том районе сосредоточиться. 2-я гвардейская сумела подойти. В Верхнекумском шли бои. Геройски держали танковую армию Гота остатки 51-й армии Труфанова, 13-й танковый корпус Танасчишина и 4-й мехкорпус Вольского. Как они устояли в эти дни?

19 декабря подчинили нас Малиновскому, а 24 декабря мы, 2-я гвардейская армия и все, что оставалось от тех, кто до этого там воевал, – все пошли на юг, на Котельниково.

Немцы отходили с боями, и бои сильные были. 29-го мы освободили Котельниково. Там нашему корпусу было присвоено гвардейское звание и вручено знамя. Мы стали 3-м гвардейским Котельниковским корпусом. Так закончилась эпопея здесь, на Мышкаве, и в районе Котельниково.

3 января мы рванули на Сал. Когда шли на Ростов, было уже немножечко побольше наших самолетов. Нам была поставлена задача прорваться на Батайск, потому что от Ворошиловграда железнодорожная ветка через Тихорецкую идет на Майкоп, на Грозный, на Минводы – на Северный Кавказ. Так вот, если перехватить линию железнодорожную, то все немцы там оказались бы в западне.

Хороший, может быть, командующий фронтом Еременко, но или уже он был староват, или устал, но не сумел обеспечить действие вот этой группы, которая туда рванула. Дело в том, что танки оторвались. Командование торопило: «Давайте, скорей». Что значит скорей?! Мы оторвались, а склады остались там, в районе Цаца-Барманцак. А мы-то ведем бои, идем по Салу через все станицы. Везде упорно сопротивляется немец. Он же не бежал просто так, без штанов! Отходил довольно разумно, с боями. Несем потери. Когда к Батайску подошли, то у нас уже боеприпасов нет почти и баки все пустые. Из оставшихся на поле боя танков приказано было сливать горючее, забирать остатки боеприпасов. Из нашей бригады под командованием Егорова создали передовой отряд. Нас пополнили горючим, подкормили немного, а то жрать нечего. Кухни-то были, но беда заключается в том, что если она нас за ночь не нашла, то залазила куда-нибудь в балку, засыпалась снегом и сидела. Мы прорвались в Батайск. Там немцы нас встретили большими силами, и завязались сильнейшие бои.

Передовой отряд отрезали, и двое суток мы были в окружении. Все боеприпасы израсходовали. По сути дела – хана! Но Ротмистров распорядился, и 3-я гвардейская танковая бригада, которая состояла из тяжелых танков, рванула к нам навстречу, а нам дали команду по радио, в каком направлении прорываться. Они нас выручили! К этому времени на моей «семидесятке» два опорных катка выбили к чертовой матери, мы гусеницу натянули на те, которые остались, но своим ходом двигаться не могли. Нас зацепил какой-то КВ с 3-й бригады.

Остатки нашего корпуса вывели сначала в Лихую, потом на Миллерово перетащили. Следующий рубеж наш был под Острогожском. А в районе Острогожска стала формироваться 5-я танковая армия, и мы формировались там вплоть до июля. Я попал в 181-ю танковую бригаду 18-го танкового корпуса. Уже совсем другие люди и все такое. Я получил «тридцатьчетверку» – легких танков были единицы. Нас подняли 6 июля по тревоге, и мы своим ходом пошли под Прохоровку.

Пришли туда. Исходные позиции для нового наступления определило время. Под Прохоровкой есть населенный пункт Андреевка. Под этой Андреевкой у меня танк сгорел. Снаряд попал под ленивец в борт. Радист погиб, а механику оторвало ногу. Я выскочил в свой люк, заряжающий – в свой. Побежали вперед, а механик на лобовой броне лежит без сознания – половина в танке, половина снаружи. Выхватили его и скатились в ближайшую воронку. Дотемна в этой воронке просидели, а там бой страшущий – танк на танк лезет, вплотную стреляют, это невозможно вообще описать, что там творилось! Сумели подползти к нам санитары с лодочкой. Утащили механика.

Безлошадных в этом бою много осталось – танки погорели. Механиков, радистов, заряжающих на другие танки перевели, а нас, офицеров, человек сорок набралось. В основном командиров взводов. Многих отправили под Орел, где в это время воевала 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко – у него не хватало офицеров. Городишко там Васильевск, что ли... Попал я в 6-й гвардейский танковый корпус, командовал которым генерал Панфилов. Однофамилец героя Московской битвы.

Надо сказать, что до того, как я попал в армию Рыбалко, я воевал на линейных танках. И вот какая основная наша болячка во время войны? Большое начальство получит задачу. Они посидят, решат, что да как делать, но ведь нужно же решение довести до солдата, чтобы солдат тоже понял, куда он идет, что он делает и кто перед ним. А на это времени не хватало. Скажут, бывало: «Вот, видишь сухое дерево? Держись этого ориентира, туда пойдем». А какой противник перед тобой – не знаем.

А у Рыбалко я попал в разведбат. Я частенько командовал отдельным разведывательным дозором. Это три танка, два бронетранспортера, взвод автоматчиков и два-три мотоцикла для связи. Дозор уходил километров на 30–35 (а бывало и на все 50) от передового отряда бригады, который шел впереди главных сил корпуса. Мне давалась кодированная

карта. Я имел представление об общей задаче не только бригады, но и корпуса. В таких условиях выполнять задачу было намного проще.

– Из каждой бригады выделялся разведдозор?

Да, а как же? Корпус идет двумя-тремя параллельными маршрутами. Но по главному направлению идет передовая бригада, вот с ней я держу связь и докладываю. У меня в руках карта, я вижу местность, у меня уже глаза открыты, а в линейном батальоне, по сути дела, мы «слепые» были.

Требовалось при обнаружении противника развернуться и принять бой. По радиации немедленно сообщить начальнику штаба бригады, что достиг такого-то рубежа, встретил сопротивление противника. Ну что такое 20–30 километров для танка? Буквально через 20–30 минут уже здесь! Передовой отряд подошел, вступил в бой, а там уже и главные силы корпуса подтянутся. Если наткнулись на какие-то сильные части, то тут уже начинается настоящая война, а нас посылают в обход – контролировать, не перебрасывает ли противник резервы. Так действовали во время наступления. Если наткнулись и дальше противник не пускает, встали в оборону, а командование зачастую не знает, что за противник, какие силы, на кого наткнулись. И наша задача: «Слезай, ребята, с танка, и вперед по-пластунски, «языка» давайте».

С этим корпусом я, по сути дела, дошел до Днепра, форсировал его, прошел через всю Украину. Подо Львовом меня тяжело ранило. И я попал в госпиталь в Башкирию, в Уфу. Ранило меня 4 марта 1944 года, а из госпиталя я вышел в 20-х числах июля, и то не полностью выздоровевший, но целый, а мог бы без руки остаться – раздробило восемь сантиметров костей. Долго пришлось лежать.

Как ранило? Шло наступление. Я командир отдельного разведывательного дозора. Мы идем по полевым дорогам наперерез противнику. Старались зайти к нему в тыл. Короче говоря, движемся мы к населенному пункту Купель или Купель – кто его знает, как правильно? На окраине населенного пункта сухой овраг, и через него деревянный мост перекинут. Останавливаемся – тихо все кругом, противника нет. Вылезли. Я пошел посмотреть, в каком состоянии мост. Бронетранспортер-то прошел наш, выдержал, а я вижу, что мост танк не выдержит, а у меня их три штуки.

А буквально перейдешь на ту сторону оврага – уже начинаются хаты. Улица, будем говорить, уже начинается. Причем хаты почему-то по одной стороне, а по другой пусто – не было хат. В окно первой хаты постучался – женщина смотрит. Спрашиваю:

– Немцы у вас здесь есть?

– Видимо-невидимо, они по основной дороге идут.

Перед этим я уже дал сигнал, что «мы дошли до такого рубежа... положение такое, что пока что немцев не видим, но пойдем посмотреть».

В центре села кирха польская. Рядом – захоронения, какие-то могилы. Кладбище, в общем. Вышли когда за могилки, смотрим, а по основной дороге действительно идут машины, повозки. Боевой техники не видим. Ну и решили надеть шороху. Вскочили: «Ура-а-а!!!» – и из автоматов стрельбу открыли. Колонна остановилась, немцы побросали все: и лошадей, и повозки, и машины. За хаты на той стороне дороги забежали. Через некоторое время оттуда начали постреливать. И я прям видел, как немец высунулся из-за угла одной хаты и из карабина мне сюда, в руку, в плечевую кость. Ну я брыкнулся, конечно.

Ну и покамест меня перевязывали, уже и передовой отряд подошел. Они не стали тут задерживаться, правее взяли, по ложине вышли на основную дорогу. Оказалось, что впереди проходила гряда высот, а немецкая дивизия шла строить на ней оборону. А мы оказались, по сути дела, в тылу этой дивизии. Там начался бой, а меня погрузили на трансмиссию «трид-

цатьчетверки», и в госпиталь в Большегородке, потом своим ходом в Славуту, в Житомир. Сделали операцию одну, потом повезли в Уфу.

После выписки я попал обратно в 18-й танковый корпус, но уже в тяжелый танковый полк прорыва номер 53. 21 машина в полку, разбитые на четыре роты, – это, конечно, пробивная сила. Так что войну я заканчивал уже на тяжелых танках, командиром роты. Дошел с ними через Румынию, Венгрию, Австрию почти до границы с Италией. Шестьдесят километров оставалось, когда нас остановили. Говорят: «Ребята, вы здорово раскатились. Хватит».

Освободили мы Киев и пошли на Житомир. А немец под Житомиром сосредоточил большие силы и нас начал пятить. Ну, и командование немедленно вызвало меня в штаб корпуса и говорит: «Вот так – надо «языка». Мы не знаем, с кем мы встретились». А встречались мы, как правило, с эсэсовскими танковыми дивизиями. Попадали мы против них часто.

Ну и пошли днем посмотреть, куда нам идти. Сплошного там фронта и не было. Вышли на нейтральную полосу, потом перешли на ихнюю территорию. Слева проходила лощинка с понижением, наверху на водоразделе – хаты, деревня, а за ней лесок. От каждого двора в лощину огороды спускаются. Уже время осеннее, это было в ноябре, ботва картофельная кучками в шахматном порядке лежит. По бугру, перпендикулярно нашему движению, идет дорога, по которой видно, как проходят немецкие войска. Решил дожидаться ночи и пойти туда, на дорогу. А там посмотрим, может, посчастливится какого-нибудь мотоциклиста схватить или какую легковую машину.

В ночь мы пошли. Подобрались к этой дороге. На наше «счастье», идут танки, бронированные машины. Мы сидим у обочины в кустах. А попробуй из танка возьми – они сами не хотят идти! Так что мы несолоно хлебавши вернулись в эту ночь. Но «языка-то» надо. Начальство-то торопит. Панфилов – командир корпуса – уже на матерок: «Ну, вашу мать, ну какого-нибудь сопливого фрица приведите».

Решили мы на следующую ночь идти опять на дорогу. Идем тем же путем. Остается справа деревня эта, а в крайней хате, смотрим, свет горит! Стоп, бригада! Тут живые люди есть. Если наши – может, сориентируют. Приближаемся по огороду между кучами ботвы. Слышим: «Угумгум». Разговор немецкий! Видим, часовой стоит у хаты.

Хата была как устроена? Выход из сеней был на обе стороны, а вход в комнату – по центру. Как входишь – слева русская печка.

Мы расползлись, чтобы с двух сторон зайти. Я, помкомвзвода разведчиков из мотострелков и молодой парень Володька Морозов, как сейчас помню, он в разведку никогда не ходил, первый раз его взяли, такой деловой, толковый, с этой стороны, а трое человек (специально ребята были подобраны, которые могли снять втихаря любой пост) – с другой. Все потихоньку начали занимать позиции.

Этот Володька лежал, значит, вместе со всеми в одной цепи. Нервишки, что ли, у него не выдержали? Я еще сигнала не получил, что все расползлись по своим местам, а он вдруг вскакивает: «А, мать вашу перемать!» и шурух в окно гранату! Ну, тут уже делать нечего – некогда сигналов ждать. Мы кинулись к двери. Ребята заткнули часового. Я ворвался в сенцы с одной стороны, а сержант с другой, и мы у двери, ведущей в комнату, одновременно оказались. В это время из-за печки выстрелы, сержанта в руку ранило. Я за угол печки по инерции рванул. Только завернул, а мне пистолет в лоб. Это доли секунды какие-то! Я успел подумать: «Ну все – отвоевался!» А в следующее мгновение мысль: «А что же он не стреляет?!» Я из руки пистолет вырвал и в карман себе сунул в куртку. На мне была немецкая куртка с капюшоном. Они у них двусторонние были: одна сторона – камуфляжная, другая – белая, на случай снега, с большими карманами.

Немцы как раз ужинать собирались, когда гранату к ним закинули. За столом их там 12 человек всего было. Раненые, кто сопит, кто храпит... добились... Человека три на печку

влезли, прижались там. Ну их и... Схватили этого здорового, под два метра, обер-ефрейтора, который оказался из дивизии «Адольф Гитлер», и давай, как говорится, руки в ноги – и к своим.

Привел в разведотдел корпуса. Сдал. А у немцев такая замашка – руки за спину, ноги шире плеч и стоит. Когда вошли в комнату, где начальник разведотдела сидел, как его начали спрашивать – он пошел говорить все. Так что, когда смерть заглянет в глаза, язык сам развязывается.

Вспомнил про пистолет, думаю, что ж он не стрелял?! Посмотрел, а у него «вальтер» бельгийский. И на оси поворачивается флажковый предохранитель. Он первые три выстрела сделал, затвор не полностью отскочил назад. Предохранитель с легким ходом, видимо, он пальцем его задел, и он заскочил и перекошил затвор. Он жмет на крючок, а выстрела-то нет. На этом крючке повисла жизнь моя... Если бы не это, он бы мне башку снес. Потом я как реликвию носил этот пистолет с собой до конца войны.

– Ведя огонь по танку, нужно ли обязательно поджечь его?

Задача вывести танк из строя. Еще постараться и экипаж ликвидировать. В этом заключается вся тактика боя. Надо уничтожить противника! Надо сказать, что руководствовались мы простыми истинами: «Зачем вы к нам пришли? Мы вас сюда не звали, ребята. И если вам приходится туго, то мы тут ни при чем».

Конечно, все направлено на то, чтобы убить немца. И плакаты нас призывали, и Родина-мать тоже – «убей немца». Но в бою очень трудно разобраться, кто убил. Потому что стреляют-то многие: кто попал, от чьего снаряда танк загорелся немецкий?

Когда я раздавлю пушку танком, это понятно, что мой танк раздавил. Или немцы под гусеницами хрустят, покамест не пройдешь, – это же видно. Другой раз местность не позволяет определить – убил я кого или нет. В лесу ничего не видно. Бывает, спрашивают: «А сколько ты танков уничтожил? Сколько человек?»

Я сам про себя думаю: «Ну, наверное, человек 100 я отправил на тот свет». Но танков сколько – я сказать не могу.

Вот, например, такой эпизод был под Шепетовкой. Корпус еще стоит на месте на исходных позициях, а мы уже движемся вперед как разведывательный дозор. Подходим под прямым углом к дороге, мощенной булыжником. По-моему, Шепетовка – Тернополь. И только мы вышли к этой дороге, как замечаем, что слева стоят три брошенных БТР, забыл, как называются, у них сзади на гусеницах колеса, а спереди на резине... А по грунтовой дороге «Пантера» уматывает от нас – увидели, наверное. Конечно, сразу же команда: «Огонь!» Шарах ему по заднице! Он и фыкнул. Немцы повыскакивали. Их перестреляли. Все очень просто. Все очень быстро. Все разом стрельнули. Кто подбил? Так что не задавался я целью считать.

Если бы немцы победили, то, я уверен на 100 %, сейчас здесь ни единого русского слова бы не слышали.

– ДШК стоял у вас на танке?

Да, на «исах» стоял зенитный пулемет, но не припомню, чтоб пользовались.

– Вам с особистами приходилось сталкиваться?

Каждый из нас знал, что в полку обязательно есть человек из особого отдела, у которого есть сеть осведомителей. Он с каждым из них работает, задачи ставит: «Вот ты там прислушивайся, а нет ли таких, которые болтают, чего не следует?» Но, откровенно говоря, каждый старался как можно подальше держаться от таких товарищей, которые нам совершенно не товарищи.

Нет, я, конечно, слышал, что существовали заградотряды, особенно когда отступала армия. Бежали ведь люди... Бежали почему? Потому что руководство, командование упускало из рук управление. И бежали, не зная, кто рядом с тобою бежит – может, командир полка или батальона, роты. Многие срывали с себя знаки отличия. Кому хочется умирать? И конечно, заградотряды задерживали таких, останавливали – а ну-ка давай в сторонку. И потом эти особи их проверяли: кто, чего, откуда, из какой части. Связывались немедленно, у них своя, как говорится, картотека имелаась. Но главным образом, такое было в начале войны – 41-й, 42-й, да еще и прихвачен 43-й год.

Ты, например, в полку представитель особого отдела. Твоя задача какая? Тебе выявлять нужно, что за человек, которому дают в руки оружие, а тем более – танк. Черт его знает, что от него можно ждать? Он перебьет экипаж ночью, порежет, пока спят, потом заведет и пошел на штаб. Как его остановить? За такое этого товарища к стенке поставят. А кому охота?

– Лично вы 227-й приказ «Ни шагу назад!» как восприняли?

Я лично никак не воспринял. Я ж на танке.

– На ваш взгляд, у «тридцатьчетверки» какие были сильные и слабые стороны?

Сильной стороной было то, что он не был перегружен электрикой. У него все было механизировано, рассчитано на человека. Если это наводчик, то у него под левой рукой механизм поворота башни, под правой рукой – механизм вертикальной наводки. Чем это хорошо? Это хорошо тем, что даже если в танк попал снаряд, то еще не значит, что выведена из строя вся система. «Тридцатьчетверка» была исключительно хороша. Тем более когда на нее поставили 85-миллиметровую пушку. Двигатель мощный, как спичечную коробку таскал танк. Коробка передач – ее «выбросить» – отвернуть несколько болтов. «Выбросил», на ее место поставил живую, и пожалуйста – танк опять пошел.

– Опытный механик-водитель продлевал жизнь танку?

Очень даже правильно говоришь. Заряжающий, он ничего не видит. Командир взвода – роты смотрит, как его танки выдерживают направление, ведут бой, то есть он на другом сосредоточен. Наводчик, он в поле зрения прицела ищет, нет ли какой цели, которая не выявила себя до боя. А механик видит, куда танк идет, он должен выбирать местность такую, чтобы способствовать эффективной стрельбе наводчика и чтобы не подставиться под огонь противника. Если механик дурной, он вылезет на пупок или по гребню, по водоразделу пойдет: ясно, что он – мишень. Он своей жизнью и жизнью экипажа расплачивается.

– На «семидесятке» прицел вас устраивал?

На Т-70 можно было пройти с этим. А уже начиная с «тридцатьчетверки» можно было бы и получше. У немцев были цейсовские оптические прицелы. Мощные, с большой кратностью – не в пример нашим. У нас прицелы сначала были ни к черту.

– У вас в экипаже была взаимозаменяемость?

Я, командир танка, должен уметь и стрелять, и заряжать, и водить танк. То же самое должны делать и остальные члены экипажа, но беда была в том, что очень часто люди выходили из строя, экипажи менялись. Приходит молодой парень – его заново надо учить.

– Как кормили танкистов?

Было чего пожевать, но иной раз ничего и не было.

– Как местное население в Европе встречало?

А что им нас встречать? Мы когда Вену прошли и рванули туда, по Австрии, на Запад, так люди выходили, стояли по обочинам у дороги. Вот такие вот глаза! Немцы же говорили, что все – никакой Красной Армии уже нет, мы уже победили. Немцы же ввалили им все время. А тут идут такие громилы! Огромное количество машин и войск много. Ну как им еще воспринимать? Они языка не знают, мы его тоже не знаем! По сути дела, мы с ними не общались. Если какая-то тыловая часть где-то остановилась – это они там живут в населенном пункте несколько дней, может, недель, – там и с бабами, и все что хочешь можно было. Люди-то все живые. Например, в Румынии мы общались побольше, потому что Румыния вышла из войны раньше всех. Там поспокойнее было. Мы в Бухарест когда вошли, так город вообще жил мирной жизнью. На тротуарах столики, пивные бары открытые. За столиками местные сидят, пиво пьют. Ну а где идут бои сильные – как мы можем общаться с населением, когда население, попрятавшись, где-то в подвалах сидит, дрожит. Как они могут к нам относиться? Ясно, что бояться, как бы жизнь не оборвалась.

– Помните тот день, когда о Победе узнали?

Мы в это время двигались уже к итальянской границе. Нам сказали: «Все, ребята, хватит. Приехали». Вот так мы узнали об окончании войны. Мы обратно вернулись в предместье Вены. Расположились как хозяева. В моем распоряжении была целая вилла. Я же командир роты – не хухры-мухры! Ну и ясно, что австрийцы все делали для того, чтобы угодить нам во всем, чтобы не обидели как-нибудь ненароком. Война кончилась для нас 8 мая, а 16-го меня вызвали в штаб полка и говорят:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.